

Л. Богданов

ЗАМЕТКИ О ЧАСТИИ И
ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯХ

Искусство Кореи. О.М.Глухарева. М., "Искусство", 1982г., стр.127... тридцать вторая глава, где рассказывается о сосудах для чая: "Народ Гаоли предается чаепитиям, и для этого изготавливается множество сосудов: черные чаши, украшенные золотом, и более маленькие чайные чаши "цвета аймородка", серебристые треножники "дан" для согревания воды, вдохновленные китайскими образцами. Во время приема чая, приготовленный во дворе, покрывают серебряной крышкой в форме лотоса. Напиток подается с большими церемониями. Прежде, чем начинают его пить, ожидают извещения, что чай готов, при этом неизбежно некоторое его охлаждение. Если чаепитие происходит в специальной комнате, то принадлежности для чая помещают в центре стола, покрытого красной скатертью, и закрывают их шелковым красным газом. Чаем угощают три раза в день и пьют его горячим. Народ Гаоли смотрит на него как на лекарство. Чаяпитие для него - удовольствие, а если отказываются от него, - они этим огорчены. Вот поэтому его лучше выпить."

Перед праздником запасены мандарины и яблоки. Такое только к празднику и может быть: И ты и вы здесь. Говорится о женщине, у которой нельзя отнять ее права умереть. Без очереди продаются песни У1 Далай-ламы. Заодно и Горегляд. Несколько книг из вышедших в последнее время мы все же прощупали. Часть песен была мною проиллюстрирована и кое-что о таких внутренне монгольских стихах я писал. На сборник "Песни, приятные для слуха" у нас денег хватит. "Ки-но Цу-раджи" мне подарят. Не пропустить бы - готовится "Бяньвэнь

по лотосовой сутре" и "Книга об идолах". Я начинаю эти записи еще в декабре, по привычке под праздники. Сперва день рождения, потом елка. Вырезки о землетрясениях продолжают собирать, но прогноза на Новый год нет. Вчера говорили об Иссык-Кульской области. Пока я вырезки складываю в "Чонди монгол" - "Песни о благодарении Чанди" - удалось достать у Киры с Эллой. А дальше куда их девать, не знаю. Отмечающиеся землетрясения как вехи исчисления другого времени, жизни не по часам и не в часовых поясах. Пропустили также "Курьер" с Борободуром, должно быть самый интересный за последние годы. Многое не достается, о другом только слышу. Об Дуньхуанских документах только мечтать приходится, а наверное их не так уж трудно было достать - не в драку и все это. Вере удалось купить Восточный сборник, выпуск седьмой, "Осень в горах" и она дарит его мне, еще раньше. Там стихи поэтов - учеников Ван Вэя - очень интересно. Арестовав у Кирилла еще Корейское и Монгольское искусство, это две разные книги или альбома, я оказываюсь снова окруженным востоковедной литературой. Это уже привычно, но не очень привычно обилие иллюстрированного материала. Книги, что я перечислил здесь, очень хорошие. А начал с мандаринов, чаев и вин. По-своему красивы приготовления к празднику. Вере приходится притаскивать мясо и консервы, оба мыносим бутылки и все чего-то не хватает. Как-то ночью тут, во сне, она замяукала, точно как маленький котенок. Мне стали снится котята и кошка, и когда я уже проснулся, лежу с закрытыми глазами и не могу понять, почему это котенок мяукает так близко, а не идет ко мне. Кажется даже, что он сидит под дверью. Потом догадываюсь, что просто Вера так дышит. Не припомню, чтобы еще раз слышал что-нибудь подобное.

Гвиней 6,3 по шкале Рихтера.

28 декабря большая статья в "Правде" о Мессинском землетрясении 1908 года. Я ее сохраню. На эту тему пишется не так уж много, но годовщина именно Мессинского землетрясения отмечается у нас не впервые. Прошло семидесят пять лет, а люди все не забывают, как в один час погибли восемьдесят тысяч человек. Сегодня четверг. На этой неделе я успел сходить

в Эрмитаж на выставку швейцарского коллекционера. Кажется более старой, но более яркой живописи я не видел. Картины Альтдорфера и Эль-Греко, Франца Хальса и Гоббемы и Гойи, и Хамена Леона, натюрморт с ярко-красной посудой, светятся, как репродукции из журнала "Америка" или еще ярче. В понедельник музей закрыт ипускают только художников и родственников их, на эту выставку. Обещали принести каталог. Что-то общее с выставкой Метрополитен, но ту я не успел осмотреть в отведенные час-полтора. Тут картин меньше, но и народа меньше. Я гляжу на этих людей артистического мира и что-то вижу в них непохожее на толпу обычных музейных посетителей. Но между нами не найти общего. Всего картин тридцать в одном зале на стенах. Каждая со своей подсветкой. Может быть только стремление охватить такой большой период времени, от примитивов до Шардена и Фрагонара, способно вызвать какие-то нарекания. Мне презентовали билет на выставку, и хоть я пробыл на ней недолго, но успел все посмотреть не по разу. Очень благодарен тому, кто надеумил меня сходить на выставку в понедельник. Днями нулевая или даже плюсовая температура, капель, а по ночам завывает ветер и метет. Утром, когда понемногу начинает светать, деревья и кусты стоят опущенные свежим снегом. В это время ветер стихает, но днем он успевает сдуть весь снег. В какое одиночество погружен человек в такие ночи. Меня спасает яркое представление о местах, еще более незащищенных от непогоды в сравнении с нашим, один миллионах жилищ в задернутом ночной темнотой, пеленой снега и сырого тумана городе, в каждом из которых завывание и гудение ветра на этих днях воспринимается по-особому. В такие ночи не пойдешь проверять, плотно ли заперты окна в других твоих домах. Я сижу у радиатора парового отопления, греюсь и не могу не обращать внимания на силу ветра. Вдруг начинают дрожать рамы и балконная дверь, не плотно сидящая в своей раме. Ветер еще не слышим, лишь дыхание ровное и мощное, как кажется распространяющееся по комнатам, предвещает новый порыв. И тут же он начинает дуть, как бы в какой-то примитивный фагот или другой музыкальный инструмент. Иногда эти партии продолжаются подолгу, иногда, какие-то обрывочные. Сквозь

муть и облачность не разглядеть, конечно, луны и неба. Может быть, начинается зимний подъем воды, и лед потрескается в местах, где каналы впадают в реки или залив, поднимается и подвигнется. Как завороженный смотрю на щели во льду, я вспоминаю, так было, кажется они верно выражают происходящие процессы и в этом смысле, это готовое искусство или мотив и повод для создания живописи и стихов, как будто эти трещины сами по себе произведение каллиграфии.

Приходит повестка с почты, мама из-под Москвы прислала чай, будет на Новый год в доме индийский. Ах, как хорошо.

Солнце висит невысоко над домами. Как хорошо на улице.. Ветер стих, несмотря на мороз, кажется тепло. Солнце не греет, но погода очень мягкая, люди ходят по бульвару, чтобы побывать в его лучах. Потихоньку, может, и чувствуется тепло. Сегодня люди в куртках не вызывают удивления. В магазине очередь, принимают товар, русскую водку по пять пятьдесят в картонных коробках. Я стою за своей бутылкой "Изабеллы". Грузчики одновременно вносят сумятицу и наводят порядок в толпе. Покупаю хлеб и газету - все разом. Медленно идти по улице, вдыхая морозный легкий воздух, хотеть растянуться, вот и все удовольствие сегодняшнего дня. В "Известиях" выражаются соболезнования Ахмеду Секу Туре в связи с постигшим страну стихийным бедствием. Выходит, что из-за одного этого я и должен был купить газету. Продается масса польских и венгерских журналов, и куда-то все это расходится. Мне и в голову не придет покупать болгарский журнал. Дома тихо, а вокруг стирают, пахнет стиркой с другого этажа. Тихо пью вино, учеников Ван Вэя трудно в руки взять. Сегодня так бы подло читать учеников Ван Вэя. Яркий свет заливает дома на Будапештской.

Сейчас предновогодняя ночь и не спится. Выпил и выпался днем. Дожили мы, наконец, до 1984 года. Желудок чай не держит. Сегодня Вера получит индишку, отдохнувшись маленько. Насколько мы тщательно готовимся к двадцать пятому, настолько же ничего не делается к Новому году. Даже шампанского еще нет. Придется обойтись "Искрой". Запасено мясо, но мы его еще не готовили. Нет рыбки для греческого салата.

Наготове только яблоки да консервы, да две бутылки "Агдама", Вера звонила, сказала, что купила там у себя где-то. Может быть, днем она и проектирует сделать что-то.

Так пасмурно и тихо, что нельзя и представить себе, что день начался. В праздничный день люди не спешат вставать без нужды. Только судя по остановке, можно сказать, что уже не ночь. Первое января, никуда не надо, можно спокойно и тихо сидеть дома. В домах не включают свет, по улице почти не ходят. Кажется, что еще глубокая ночь, таких ранних, как я, мало. В доме есть вино, да Вера спит, а надо спрашивать у нее, дождусь пока встанет, тогда и выпью. Сегодня и она мешать не будет. Праздновали вдвоем. Очень долго работал телевизор, почти до утра. Не знаю, когда и спал, под телевизор, что ли. Когда его выключили, я и глаз не сомкнул, полежал немного, задремал и встал - уже выспался. В тишине, как-то легче дышится и яснее и трезвее думается. Тридцать первого успели получить чай. Уже восемь, а еще ночная темнота. Спешить не надо и некуда, сегодня праздник везде. Сам я отдыхаю, когда записываю.

Вечером, после программы "Время", передают предупреждение о наводнении. Все чаще стали случаться небольшие наводнения. Ветер воет между домами, продувает все щели, открывает дверь. В вентиляционной шахте он ревет, как реактивный самолет. Встают сегодня попозже, а спать ложатся пораньше. Всем этим группам по борьбе со стихийными бедствиями вообще не спать.

- Что, Вера, завтра будем на лодках плавать?

- До нас не достанет.

Действительно от воды до Купчино далеко. Единственная здесь речка Волковка, бежит в высоких берегах, а местами и просто забрана в трубы, трудно поверить, что она может выйти из берегов. Места здесь хоть и ровные, низменные, но сухие. Сюда воде придет неоткуда. Посмотрим по телевизору, каковы будут плоды такой борьбы с наводнением. Передали, что в девять с чем-то подъем воды составит двести двенадцать сантиметров. Ветер не стихал всю ночь. Наверное наложил льда. Как-то на Неве, на заливе. Последнее время стали

привыкать к подъемам воды.

В Новый год произошло сильное землетрясение в Японии. В Токио зарегистрирован подземный толчок силой семь баллов, но не говорят по какой шкале: японской, Рихтера или Меркалли. Есть человеческие жертвы и разрушения. Эпицентр находился в трехстах с лишним километрах от Токио.

Наводнение продолжалось одну ночь, но ветром сорвало крышу с одного дома, говорят, и порвало много линий контактной сети. Вода поднялась до двухсот двадцати пяти сантиметров и большие льдины стало выбрасывать на берега, да и вода разлилась по паркам и подвалам. В общем-то ничего особенного не произошло. Циклон, образовавшийся над Ботническим заливом, пронесся над Карельским перешейком и северной Ладогой..."

Еще один дом сгорел на Садовой, но там было много пострадавших, двое умерли сразу, а эвакуировать пришлось сотни. Сорок шесть отделений пожарников выезжали на пожар. Больше ничего выдающегося не припомню. Теперь ветер стих и стало теплее. Дома не так холодно и можно ходить раздеться. Когда так буря ~~шумит~~ прорвется, как-то меньше начинаешь уставать, под ветер все тянет в сон, а сегодня, и был-то всего юсяк, долго сидел ночью и чувствовал себя совсем легко, думал о том, что я прав, выбрав тысяча девятьсот семьдесят четвертый год, как счастливый для предсказаний землетрясений. Чуть не проспал время, когда Вероника нужно вставать на работу, и она убежала без завтрака. У нас Новый год начался хорошо, теперь нужно ждать, чтобы мама приехала. Еще неизвестно, как у нее идут дела. Пью ее "Бодрость", но просыпать на работу, конечно, нехорошо. "Ветер утих и утих" и стало много легче, раньше я этого не замечал, давно, во всяком случае. Три градуса тепла — курорт. Бросили пить, деньги нужнее. Я вспоминаю одних и тех же людей и одни и те же дела и чувствую, как тревоги сменяются успокоенность.

В пальто, перешитом из шинели, снятой с Акакий Акакиевича. Поскольку оно первые десять лет, чем дальше, тем становится привлекательнее, не придаешь никакого значения

искусственности данной ситуации. Но идентификация — это, когда кажущееся чем-то, этим и оказывается, а при этом, казавшаяся базовой и фундаментальной "реальность" оказывается фиктивной, фикцией. Апокрифическое пальто вместо канонической "Шинели". Самоопознание, содержанием которого является жизнь, полная понимания и сочувствия не только и не столько к жертве преступлений, сколько к преступнику. Модель хулиганского социализма или коммунизма, я не разбирался в них, поскольку это было так давно, как когда я смотрел "Пятеро с улицы Барской". Выход в свет книжки Сартра "Экзистенциализм, это коммунизм" помечен был годом пятьдесят девятым, так вот, а это происходило еще раньше. Как до сих пор я не знал афористического название книги Ариона "Опium интеллигенции" и у меня при шмоне изъяли Евангелие, а морфин нет, в тот момент, когда Л.Аронзон кончал с собой в Ташкенте и, по-видимому, только потому, я и был временно выпущен на свободу. А потом prodергали все же в Скворечнике и в Гатчинском зверинце около полутора лет.

Как тяжело сейчас Ирке на принудке. Там нет ни свиданий, ни воскресений и не колют, небось, только до праздничкам, которыми являются Новый год, Первомай, да день седьмого ноября. Я в скольких больницах не перебывал, но совершиенно не представляю, где она, скорее всего в зоне, а в зоне — в больнице. И так десять лет! Знаете, я не передавал все оттенки того, например, когда человек не знает, что-нибудь такое, что известно всем окружающим и, пожалуй, в применении к нему самому, я не становился подражателем Чехова или польского кино. Я враг не только пешской модели, но и многих аспектов польских разновидностей этого нового движения, вот кроме этой хулиганской модели общества, в которой всегда заключается какое-то самопожертвование. Простите мне этот каламбур.

В этом году воскресенье приходится на восьмое января, ну а сегодня еще только среда пятого. Мне бы самому не запутаться в этих дневниках иных лет, чем дамарковано.

Что же все-таки произошло в последнее время такого, что надолго? Мне запомнилось, как вслед за двумя эрзерум-

скими землетрясениями; первое - силой 7, - второе - 5,6, турецкая община на Кипре провозгласила независимость своего государства - Республики Турции на северном Кипре. Запомнилось многое. Прежде всего я вспомнил частушку, сложенную по поводу перехода к летне-зимнему времени: /Кто был ничем/ тот встанет в седьмь, / а у кого чего-то есть/ -- тот в 5,6./ Затем запомнилась статья, в которой говорится о том, что турки засаливают земли, и лимоны на плантациях становятся горькими, до того, что их, по-видимому, только в сахаре можно становится употреблять. Весь мир не знает, как относиться к независимости этого маленького стопятидесяти тысячного народа и относится отрицательно, кроме, впрочем, самой Турции и Бангладеш. Как это часто бывает, что-то сталкивается с непониманием с момента своего появления... Помнится, Марко Поло пишет о том, что в его время Иран также назывался Ираком, что же - теперь и Турции - две? Хорошо это или плохо? Еще запомнился юбилей Ивана Федорова, накатившее четырехсотлетие книгопечатания на Руси, в то время, как еще в начале XIX века Сахаров писал, что Павла Бернса работал еще раньше и был не только первопечатником, но и оригинальным художником-гравером и журнал "В мире книг" поддержал году в 1974 эту точку зрения. Что это - рутинна или сила традиции, официального взгляда.. Если это рутинна, то и такой организации, как ЮНЕСКО. Никакого закона здесь нет, а есть одни исключения из правил, становящиеся закономерностями, да так, что становится по ночам шорох звезд слышен.

Уверенность, что бляди незнакомые, должны укреплять мой дух и быть прямо моими глазами. Якобы тогда я смогу рассматривать мысленным взором проблему того, что эзистенциализм уже развился на почве дзенбуддийской философии и смыкание Сартра с маоизмом в конце жизни (жизней их обоих - и Мао, и Ж.П.Сартра) служит лишним подтверждением этого взгляда.. Проблема выбора и пассивности предельной ситуации, парадоксальное абсурдное, пустое Коку-стране. "Оросияко-ку суймудан". Предисловие - основной труд о том, что думается вообще о снах, а затем и сами сны, явившиеся поводом для затянутого предисловия. Это обычный современный тип

книги Научной и так бы это и должно иозвучать. Т.е., что я и воспроизвожу ту схему и произвожу ту модель этой книги, до которой мы дожили. Вся серия "Писатели и ученые Востока". Какие будут мнения? "Женщины Востока"? Хорошо. Идентификаторство мыслей Мандельштама, не орнаментальность, в восточном вкусе, а именно идентификаторством нужно назвать подмеченную особенность - суггестивность и доходящая до герметичности усложненная метафоричность. Я слишком мало читал его прозы, но сталкиваюсь с мнением, что она трудна для понимания без словаря. Вот корень и исток проблемы. Это действительная трудность, камень преткновения для правильной мысли. Также подмеченная неправильность при выборе шестого Далай-ламы показывают трезвость ума. Способность ответить можно на дезинформацию правды. Таков ряд кардинальных вопросов, выясняется. Предельно изменичивая экзистенциальная ситуация существует в каждый момент под тем или иным видом, наряду с вопросом о смерти и последующего выбора между раем и преисподней.

.. У нас прямая предрасположенность к чаю - он нам дороже алкоголя становится, управляет регуляцией жизни.

И признай, насколько дороже потом обходится на выставку, в кино сходить и за это дело и отдать свой полтинник, чем даже на самую фешенебельную просто в Эрмитаже, где за вход все-таки берут рубль, бумажный или металлический, ординарный или правильный - все равно. Я так посмотрел на Галецкого в фойе "Прибоя", где мне вовсе не светит встреча с Барской или с кем-нибудь подобным, а также не мог посетить Михнова в клубе МВД. Вот и живет себе на Вашавской пианистской для избранных по сюжету, а не по Брюсову. Прямо "Танцовщица из Идзу" какая-то, а у меня таким путем пропал и Чжуан-цзы и Ле-цзы. Да вообще-то таким путем только и пропадало, если что-то пропадало бесследно, например Саят-Нове, Пу-сун лин, Сборник памяти Бахтина, Ницше, "Вагнер в Байрейте".

... Новый год прошел, уже шестое число, а в мыслях моих какая-то предновогодняя толчая, мысль рвется, возобновляется и снова рвется, пока совсем не теряется, вытесненная побуждением каким-нибудь. Я хочу сказать, что если что-то

не поддается воспроизведению, то оно может быть поддано идентификации. Ведь какими бы глазами я ни смотрел на то, что видел, под это еще было подложено и первое впечатление от самого по себе города, когда мы, еще как приезжие, ходили больше, чем ездили, не доверяя своему знанию транспорта и попадали куда-то под выходной, не могли попасть на один фильм и смотрели поэтому какой-то другой. На необходиимые идентификации нам хватало, и тем страннее видеть, что у людей теперь этих денег нет, а они, якобы, коренные ленинградцы. Например, эта подруга с Варшавской, не глупая, а в том и ограниченная, в чем мне уже пришлось принять участие и к которой я, будто бы вследствие этого, и не подходил. Как будто процесс периодического обновления заканчивается, и человек снова становится совершенно одинок, не имеющим или не поддерживающим знакомства... Вот и живи на Варшавской, давай по карточкам. Смотрись на толпы работниц на Красного Курсанта. Вижу я, как служащие валом валят от Левашовского до Зеленина, слышу своеобразие звуковой палитры города. А ходил я по этим улицам в пятьдесят втором, пятьдесят третьем годах и могу судить об изменениях характера городского шума, шарканья тысяч ног одновременное по панели, девушек, одетых, как раньше можно было себе позволить разве что на демонстрацию. Да и обо всяких переменах могу судить в этом тихом сравнительно углу города, где в часы начала и конца рабочего дня, во время пересмен, немного побольше в середине дня, бывает народ толпами, расходящимися по магистралям и проулкам. И в другие часы я наблюдал за этим районом в гораздо более поздние годы (с шестьдесят пятого и по настоящее), когда в дни соревнований, летом, по воскресеньям, на стадионы и в парки люди ехали в переполненном транспорте и им кое-где приходилось доходить пешком до остроевов, и людей при этом до того бывало много, что казалось, что на улицах никого не оставалось. И все эти годы, все это время бредущий одинок, какие бы толпы ни проходили по этим магистралям: Добролюбова и Максима Горького и по мостам. И в любые часы - по Петровскому проспекту и на Пет-

ровском острове, издавна, со временем еще нашего перееезда в Гавань, я наблюдал и по другим часам, часам продажи и принятия спиртного и часам сладости безделья по выходным дням и в каникулярное время. И я требую для себя возможности жить уличной жизнью в то время, когда они склонут, в будни, именно потому, что я насмотрелся с детства на большие скопления народа на железных дорогах и пристанях, в местах отдыха и развлечений, на бесчисленных остановках и на зрелищных мероприятиях, я так ценю одиночество в этих же местах, но в другое время, в будни или поздно, или рано, когда нет никого, или когда все уже внутрь собрались своим коллективом, или на так называемом юге, или особняком когда наши держатся от иностранцев, в туристический сезон, один исповедую культ ангельского чина, бесполого одинокого существа в атмосфере, пронизанной сексуальностью, точнее даже женской сексуальностью, городских кварталов. И вот что еще — чем проецировать наяву такие сновидения праздничности ситуаций экстремальных для одиночной личности, лучше всю жизнь, как говорится, живя ничего этого не знать.

В Тульской картинной галерее есть скульптурный портрет Н. Кончаловской 1919 года.

Все же выглядел Альбом богатый. Натюрморт Штеренберга без даты, а так все художники, от Лентулова и до Петрова-Водкина. Было так же рано, как сегодня, еще не зажигали огней, но в домах, как и всю ночь, светилось по одному-два окна. Не нужно было вставать. Рождество пришлось на воскресенье. Решил не записывать. В этот день выбрались и мы, ездили к Кире с Эллой. Там много пластинок, перепечаток джаза: Фредди Хаббард, Колтрейн, Эллингтон, всего мы не успеваем послушать: Бэйси, снова Эллингтон, другой какой-то Колтрейн, американский. Музыка играет все время, но мы можем на ней сосредоточиваться только урывками, в промежутках между разговорами, вдруг затухающими, когда напрягается слушательское внимание, и всыхающими спонтанно. Мы недолго пробыли в гостях и вернулись домой. Сегодня уже понедельник, девятое, рано. Вот-вот люди начнут

вставать. Как рано здесь просыпаются. В пять начинают вставать, зажигаются огни, начинают выходить. Задолго до шести видны люди на остановках. Я приобрел привычку вставать очень рано, но я стараюсь не шуметь, когда пью чай или когда потом хожу по кухне с прихожей. Даже в шесть, полседьмого, я включаю радио потише. День наступает незаметно, но у меня не хватает выдержки высыпать до наступления дня, я ложусь, может быть засыпая. Светает так медленно. Может быть, к одиннадцати только светает. А так все тихо в доме. Еще по-видимому каникулы не кончились, хотя рано и детям. В этот ранний час никто не пользуется лифтом, поэтому так тихо.

Рождественская оттепель кончается и наступают холода. На реках и каналах взъерошенный лед, вылезающий на берега. Особенно много льдин на берегу у Петропавловской крепости, но деревья, насколько видно, уцелели. Говорили об ураганном ветре. Вот каковы последствия наводнения, двести шестьдесят третьего. Может на островах, там деревья лрмало?

За этот месяц, с пятнадцатого декабря до пятнадцатого января мы несколько раз бывали в городе. Целый концерт Веберна и вечер трубача из Западного Берлина, Леона Ширера - вот, что было перед праздниками на афишах. Вечернее предпраздничное взрослое оживление, коммерческое. Несколько и развлекательное сменилось детскими посленовогодними, каникулярными. На улицах и в транспорте все время видишь детей. Они простаивают в очередях музеев и, каждый день, и те, что поменьше, ездят куда-нибудь на елки в сопровождении взрослых. Они держатся так серьезно и самостоятельно. Им не надо уступать место. В сами праздники я выходил только за вином, к одиннадцати, покупал бутылки по две. Теперь отдыхаю. Взяли вчера "Старки". Вместо Эллы пила Наташа маленькая, которая тут же оказалась в гостях. Элла неважно себя чувствует и совсем не пьет, Наташа - понемножку. Вера очень переживает, что мне ее придется везти до дома, как будто я мог бы ее оставить или бросить на полпути.

Мне вспоминается, что последний раз, когда мы возвращались этой дорогой, цветли вишни. Мы были изрядно навеселе

и прошли несколько мимо своего дома, чтобы полюбоваться деревьями, растущими дальше по улице, под окнами наших соседей.

Этот месяц, с половины декабря, можно назвать праздничным, хотя он проходит довольно тихо в первую свою половину, зато потом каникулы не переставая дают о себе знать, даже какой-то специфической тишиной в доме, не такой, как в те дни, когда дети на занятиях. Гуляющих или куда-то направляющихся мы их видим все время на улицах. И здесь их много. Здесь остановки и вот они здесь скапливаются.

Дневник на восемьдесят четвертый год, это должен быть прямо не прогноз, а расписание того, о чем думается, последовательно, одно за другим. Год заранее выбран для пристального наблюдения за ним и за собой в течение его. В этом году должно хватать сил и энергии и на фиксацию и на анализ, условно говоря. Всерьез этот процесс мы анализом не называем. Мы наблюдаем нашествие синиц на балкон. Они такие аккуратные, их как-то видишь прямо нарисованными, но они так непоседливы. Такое разноцветное и разноперое царство я видел в Московском зоопарке, но там все эти птицы сидели в клетках, а мы, то есть люди, разгуливали на свободе. В Купчине же они, видно, интуитивно знают, кто где сидит в своей квартире. В начале этого периода, еще задолго до наводнения, я заметил тут, возле детского сада, двух белобоких сорок. Это, на мой взгляд, самая загадочная и таинственная птица наших мест. Какой-то особенный воронок, с прямым разворотом крыльев, похожий на маленького соколика с гравюр Фаворского к "Слову о полку Игореве", попался мне на глаза. Но в тот же день уже воронки кружили стаей над двором, что-то готовилось. Теперь я занимаюсь один и не замечаю никого, кроме голубей и чаек в небе, но к тем и другим я привык, и можно сказать, что просто не замечаю ничего вокруг себя. Мы сидим на Виндавско-Рыбинской, бывшей, железной дороге, но сейчас, в эти слабоморозные дни, оттуда ничего не доносится. Привычный рокот моторов с улицы не приковывает внимания. Голосов почти не слыхать. Я включаю и выключаю радио. Не попад. Не на тему. В этом

месяце мне еще пару раз необходимо побывать в городе, там, как говорится, и посмотрим. В начале периода гораздо внимательнее слежу за событиями, но под конец внимание слабеет, да и незачем становится так следить, как-то события исчерпываются, ни о чем уже так не говорится, кроме как о новых войнах, но до нас мало что доходит из этого. Так далеко.

Я включаю свет. Сумрак, сгущающийся за окном, оказывается точно отмечен своим часом. Еще четыре. Темнеет. Свободой жить независимо от дня и ночи и независимо от человека, который рядом, я заручился. Часто встаю ночью, завариваю чай, курю, и так дожидаюсь утра семи-восьми часов, когда снова можно прилечь. В тишине человек осмотрительнее, не надо забывать. Похолодало. Теперь ограниченный мир нашего дома реально противостоит стихии холода. От стекол окон веет холодом и не хочется задерживаться у окна. Спасают занавески. Мертвенный свет уличных фонарей лежит пятнами по углам двора, а середина его тонет в тени. Если бы на первом этаже детского сада не горели контрольные лампочки, было бы совсем темно здесь, у наших дверей. Двор напоминает план района. Четыре железнодорожные станции как бы образуют его углы, но этот участок, ограниченный со всех сторон железной дорогой, настолько велик, что я никак не могу представить его весь. Я представляю только те места, где проезжаю, или прохожу, или бываю еще почему-нибудь. Сортиментовочную винку только из окон транспорта, никогда не бываю на Фарфоровском посту, на Боровой. Лучше знаю проспект Славы. Электрички, в своей защитной окраске проносятся и исчезают стремительно. Здесь не должно быть никакого покоя от сигналов, но в городе сигналы не подаются, состав молча подлетает к перрону. Во всем районе много деревьев, но в большинстве это молодые посадки, к тому же сейчас они стоят голые. Между домами пропадает след поездов, пропадает бесследно. Так только поезда умеют растворяться вдали. Кажется, если хватает этого, то и жизнь полна и в жизни довольно вот этого полного ее содержания. Но мы живем в центре района и ухитряемся не замечать

рядом жизни железных дорог и этим обедняем свое восприятие. Здесь мы не раз и не два пересекаем железнодорожные пути, я не устаю восхищаться расписанием, которое так составлено, что совсем не приходится ждать на переездах. Переездов становится меньше, дорогу поднимают над транспортными магистралями, но в районе Веселого поселка в этом направлении ничего еще не сделано. Невдалеке от улицы маячат несколько железнодорожных цистерн, это придает своеобразие виду городскому. Мне особенно многое приходится замечать всего, связанного с железными дорогами на моих дальних концах. Никогда не забываю осмотреть эти, по всем признакам, товарные полустанки и придорожные строения, пакгаузы и какие-то казармы в районе Витебского. Все это окружено обветшавшими изгородями, стенами, и заброшено. Сложеные из красного кирпича эти дома прекрасно гармонируют с мытой дождем зеленью. Мы проезжаем по району осенью. Травяная насыпь и деревья сами изменяют свой цвет, красные дома так и будут стоять полуразрушенными, а желтые угловые дома в центре города, в районе Сенной, обрушаются. А синих домов у нас не бывает. Мы путем заброшенных домов вырываемся в город и успеваем заметить кое-какие перемены. Сейчас не так, все равномерно присыпано снегом и если не черно или серо, то бело. Изредка, где-нибудь в боковой улице бросается в глаза роскошный голубой особняк, обязательно с белыми колоннами, почти дворец. Вот созерцания чего мы лишены совершенно, в наших новых районах, или кварталах коммерческой застройки. А где-нибудь неподалеку от Лиговки и Марата это еще встречается. Сидишь безвыходно дома и боишься, что пропустишь очень значительные перемены, сам будешь идентифицирован как какое-то место, полузнакомое или забытое, но поражающее, как громом, произошедшими изменениями. Я жалею обваливаемых домов на углах улиц и не перестаю думать об этом, мне кажется, что даже если их восстанавливают, то они уже придают иной характер всему месту. Или строят новые дома по специальным проектам, это совсем уже заплаты на рубище. Но город тихонько меняется и в этом что-то есть не совсем безинтересное. Мне кажется,

что его можно будет или придется не узнавать, как человека, которого прекрасно знаешь, но к которому не подходишь, — так давно вы не встречаетесь и не разговариваете. Я неприметен. В этих переменах есть что-то и успокоительное — в старых местах ты неузнаваем, но в целом они раздражают, как говорить об этих новых пристройках, — всерьез, как об архитектуре, или как о камуфляже? Кварталы доходных домов, в этом смысле, даже выглядят строже. Они более приемлемо относятся к новому строительству. Я стараюсь замечать и запоминать то, что изменится неузнаваемо. Такого много, много на этом пути. Но далеко не все еще и начало. Может быть, что-то и уцелеет. Например, в районе гостиницы "Окной". Мне кажется очень привлекательными ничем не замечательные небольшие дома в той части города. В них совсем неприметно люди существуют. По-видимому, все это будет снесено. В других районах, на таких же улицах уже появились пятиэтажные дома из белого кирпича. Становится не отыскать, допустим, даже старый адрес. Как все меняется. И людей тех, что проходили здесь, чувствуешь, уже не встретишь. Монолитная тишина, да, как щели или полости в ее неколебимости, гудки и сирены, шипение тормозов и отрывистые сигналы водителей. Вот почему и путеводители здесь не входят, ведь новые районы такие однообразные. Но вот мы, живя здесь постоянно, к чему-то все-таки прикрепляемся. Чтобы податься к нам, нужно объехать все Волково кладбище, улица Будапештская начинается от задних ворот Нового Волкова кладбища и тянется далеко за метро "Купчино", но там я еще никогда не был. Здесь, у кладбища, строится больница скорой помощи, вершина здания видна над деревьями с Бухарестской. Выражение — пойма реки Волковки и Волковский канал, говорят о благоустройстве.

Томашевский. Пишут — два самолета с помощью отправлены в Канакри, в Гвинею. Вообще, в эти дни встречаются странные заметки, например, что в Ливорно пытаются поднять со дна канала скульптуры Модильяни, которые он сам тудабросил. Вот, примерно, скорость, с которой поступают новые новости. Еще пишут, что одна фирма выпускает репродук-

ции "Тайной вечери" да Винчи в натуральную величину. В начале года не очень много новостей, обсуждаются прежние. Ливан, Ангола, визит Чжао Цзы-яна в Штаты. У нас об этом не говорят, но в Аргентине находят все новые тайные захоронения лиц, не поддающихся идентификации. В Софии погиб авиалайнер ТУ-134 с сорока девятью пассажирами и членами экипажа. Новости обычные, передается, что и всегда. Похолодание установилось только на пару дней, под самый конец каникул, а сегодня к вечеру опять обещают потепление, будет не десять, а три градуса мороза. Послезавтра, в пятницу, мне предстоит поездка за пенсией, справлюсь как-нибудь.

Министра мясной и молочной промышленности Антонова заменили на Сиденко. Вот какую новость я извлек из радиопередачи.

В день, когда Вера задерживается на весь вечер, время течет не так, как в обычные дни. Вот тут свой чай и пей. Дальний угол двора не загорожен и в просвет между домами виден школьный двор, где сохранились старые деревья. Согласно приезда сюда, еще пятнадцать лет назад, было ясно, что это направление самое красивое. Взрослые деревья кривились курчавятся. За сквозящими деревьями четырехэтажное здание школы, отделанное голубой кафельной плиткой, так навсегда и останется рисунком и архитектурным проектом, так все это место кажется нарисованным на бумаге. Деревья протянулись подобием аллеи до лугу, школу окружает луг.

Так бывает, когда мороз отпустит — можно снова вставать и, стараясь не шуметь, шагать по квартире раздетым. Тело чувствует колебания уличной температуры через всю искусственность комнатной атмосферы. Вечерний озноб кончился, ночь согрелася. Смотрю уже вторую передачу "Прогулка по Москве". Показывают Новодевичий монастырь и местность у Девичьего поля. Это так интересно, интереснее альбома об монастыре. А недавно была передача о Таганке и Заяузье — много старой архитектуры. Передачи короткие, поздние. Вот и вставай и отстаивай свои строчки. Я завариваю чай на утро, но сам пью его сейчас, в три часа ночи. Вода, сперва

белая, как молоко, постепенно отстаивается, становится прозрачной. С этим явлением я познакомился давно, в детстве. Меня познакомил с ним отец. Он налил прозрачный кувшин такой туманной воды и сказал, что воду хлорируют и надо давать ей отстаиваться. Может быть это было еще в Германии? Скорее здесь где-то. В новых районах тут и там встречаются автостоянки. Вот, может быть, кто-нибудь из сторонежей на автостоянках пьет со мной одновременно, а так никто не встает, конечно, в два, в три, чтобы напиться. Чай густой, негорький, индийский. Очень крепкий, с настойчивым запахом. Выпить чашку и закурить, вот самое большое удовольствие, которое можно позволить себе ночью. Не бережем электроэнергию. Мы много в чем-не экономим. Обогнали англичан по количеству выдываемых чашек, Кириша дал почитать Восточный альманах, десятый выпуск. В нем "Непрошенная повесть" Нидзе. Я только успел заглянуть, говорит - интереснее "Записок у изголовья". А вот попив его, можно подумать и о том, чтобы прилечь. Ведь не трястись же вместе с холодильником, обнаруживая у себя все новые симптомы простуды. Хочется подвигаться и согреться, но не возле. Верн. Кроме шороха шагов ничего не слышно. Мерещатся какие-то пространства, проходимые мной по одному месту. Что, если б целый день пришлось шагать от Ленина до Зеленина, не сдвигаясь с места. Это еще тот расходняк. Я ощущаю себя в другом месте, чем то, в котором я нахожусь, где-то на Глухой Зелениной, среди заводов.. Вот где одиночество нам гарантируется. Мысленно я попадаю под разъезд. Работницы переполняют трамвай, на углах скапливается народ, да и на улицах много прохожих. Наполняются магазины. Час, когда обилие людей так же неспособно помешать переживать чувство одиночества. В эти часы, утром и вечером, среди мимолетных реплик и разговоров, я стараюсь и не бывать. Как-то это всего этого становишься без вина пьян, моложе и взросле одновременно. И ни с кем не можешь познакомиться.

На снежной тропинке талая вода, в лужице красиво лежат балластные камни. Делают попытку засыпать эту ямку.

Озерцо стоит, лужица и все ясно — ноль градусов. Здесь не считаются с газонами, дорожки проложены прямо наискосок. Если бы только зимой так, но и летом ее протоптали намертво. Я догадываюсь, что здесь проходит тепловая магистраль. Пойма реки Волковки это там, где деревья расступаются в перспективе, создавая и на кладбище своеобразные просеки, как линии на скалах в Перу. Затиснутая между шоссе и железнодорожной насыпью, речка тут делает изгиб и уходит под шоссе. На этом месте построен Белградский мост. По-видимому, вот здесь она перестает быть каналом. Я вижу, что можно пейзаж написать, так картино раздались деревья вдоль по ее течению. Здесь не хватает хорошей охоты. А свободные участки загораживаются. Я читал, что милиция тут строит для себяпподром или школу верховой езды. Поить своих коней им из Волковки не придется. Что-то будет с новым кладбищем. Дух Тургенева витает над естественными перелесками Камчатской улицы. Как свечечка, руками укрытая от ветра, деревьев. Заброшенность старого кладбища, и так до самой Расстанной с ее музыенным безлюдьем, миражирует за деревьями. Храм был большой. Вот зеленый заповедник пока стоит, а нам уже пишут о других речках, больших и малых, на других концах города. Начинаясь где-то под Шушарами, наша речка пробивает себе путь, теперь уже в пределах города и вливается в Обводный канал. На месте их слияния, я что-то никогда не был. Надо спросить у Веры. Тихая у въезда из Волковой деревни, она совсем непохожа на себя. У города есть резерв. Как он поступит с этой территорией между Волковкой и Обводным?

Опять дует ветер. С пьяных глаз, я этого не замечаю сначала. На Финском волны под два метра. Где-то вдали слышно непрерывное гудение, а у нас ветер налетает порывами.

Я, вспоминаю, ходил выше по течению, там у станции метро есть место, где речка разливается по лужайкам, затапливает деревья, но и там у нее есть речной напор и какое-то подобие русла, поросшего камышом, не очень чахлым. Но сам ли это исток, и откуда она там берется, я не знаю. Там,

где она становится шире и глубже, на кладбищах мы имеем естественно-исторический музей-заповедник в духе Федорова - "Философия общего дела". О да, это не каток в городской черте. Над кладбищенскими зарослями сгущается не электрический туман на закате. И в соединении с этой обильной по руслу реки растительностью, своеобразно подчеркивающей неровности рельефа местности, закаты производят неповторимое впечатление. А в остальном своем течении она неотделима от железнодорожного мира и местами напоминает какой-то подсобный канал или даже большую канаву, правда в этих местах уже забранную в железобетонные берега. Паровозный дым над Волковкой так же естественен, как розовеющая сумрачная мгла над кладбищами. Как мы оказались связанными с этим местом, просто поразительно. Это судьба. Надо больше бы читать Федорова об этом. Как-то ускользает от внимания, что в общем-то все это уже кем-то и когда-то говорилось. Это рассказ о другом году, вот в основе его и лежат другие события, а антураж, весь жизненный фон переходит из предыдущих лет. Но на самом деле повторений недостаточно и повтор выдуман уже, как искусственный прием. И потом, какие-то вещи нельзя не повторять, а описание все же развивается и в чем-то совершенствуется. И не пытаться воспроизвести эту картину поймы, как я ее вижу, я не мог бы. Я повторяю, что я ее действительно не знаю, а только вижу, да и то с колес большей частью. Мне кажется, что речка заходит куда-нибудь на запретную территорию, но я сам слышал, как говорилось о строительстве, кажется, жилищном, в пойме Волковки, а это где-то здесь, она ведь совсем небольшая, но где же здесь строить? Ипподром что ли они имеют в виду?

С утра был туман и метель. Вера говорит, что не хотела выходить у своих из дома.

Воскресенье пятнадцатое. В ночь на понедельник начались оттенель, слышно, как капает с крыши. Мы подражаем тем, у кого запруды прямо в крови и во плоти. Я имею в виду эту дамбу через Финский залив. Но мы совсем не голландцы и у нас от тихих деревенских уголков, в каждом из

которых было что-то свое особенное в смысле ландшафта, и местоположения, пригородных - ничего не остается. На всех этих местах вырастают огромные серые районы, одинаковые на вид и которые никак нельзя представить у голландского живописца. Когда мы переехали жить сюда, еще капустные поля простирались между кладбищами и новой застройкой, был и софзоз. Теперь дома подходят почти вплотную к кладбищу, и деревянные постройки снесли. Во многом этих мест уже не узнать. В особенностях изменились маршруты. Новые улицы. Мы можем теперь двояким способом ездить хоть в Веселый поселок. Получается, что мы только немножко земли под ногами и видим в садике или на пустырях, сохранившихся еще вдоль дорог, а так только на небе удается наблюдать что-то картиночное, а у нас все от погоды зависит и часто посмотреть не на что. Вот я побывал на днях и на Петроградской, а внимание привлекли только наши пустыри и замерзший разлив Волковки. Я совсем не бываю в книжных магазинах, даже здесь, сравнительно недалеко от дома, не говоря уже о более дальних "Старых книгах" или "Академиях". Ничего, кроме того, что узнаю от Киры с Эллой, не знаю о выходе новых книг. Мне и на Невском-то, где есть ларек, делать нечего, выберусь раз в год по обещанию. Раньше я чаще бывал на Литейном, но я привык жить не зная об этом. Просто скорей трудно совсем новых книг не видеть, чем обходиться без них. Совсем не бываю и в промтоварных, ничего не знаю, что где продается и почем, слышу, что только если от Веры или по радио. Информация не полная. Вера сама нигде не бывает и наживаля какая-то. Никаких рекламных приложений мы не получаем, даже "Книжное обозрение" второй год не получаем. Только Кира и Элла что-то показывают. Вдруг обнаруживаем, что что-то пропустили, это неприятно и как-то так и действует. Дуньхуанские документы еще, может быть, попадутся, но я ничего не знаю и о планах издательств. Обещания, что печатаются в "Памятниках письменности Востока" так неточны. Пока новостей нет, кажется купили "Лес начертаний", перевод с тангутского. Я не видел. Теперь сижу дома и слушаю ночную капель,очной хо-

лодильник. Совсем не могу спать. Лежать - лежу, а уснуть никак не удается. Ну, и в срдах встаешь, начинаешь пить чай, курить, ходить или записывать, что на ум придет. Так ночи проходят. А днем, если все же утром усну, по привычке просыпаюсь в одиннадцать и дальше ближайшего винного и нехожу, и не дерзаю. Изредка, когда тут ничего нет, приходится пройтись куда-нибудь подальше, и это уже чуть ли не целое приключение. Долго нет мамы, начинаем скучать и беспокоиться, но оснований нет, слава Богу. Хоть бы письмо от нее получить. Чай кончился. Хорошо пожили. Посидели на азербайджане перед Новым годом, но зато пятнадцать дней потом горя и забот не знали. Может быть, Миша удастся что-нибудь достать. У Киры с чаем тоже плохо. Подарили что-то на праздники, но этого хватило недолго. Тихо, очень тихо и спокойно. К нам никто не приходит. Накануне Старого Нового года позвонила из Новосибирска Танечка, долго разговаривали, она, почему-то, была проинформирована, что я умер. Но это не так. Я не ожидал звонка. Больше всего она поздравляла меня и рассказывала о сыне, которому уже одиннадцать лет. Слушаю Эллингтона, смотрю передачу про Веллингтон. По всей стране нетрудно проверить, кто чем занимается. В "Известиях", в статье, отрывок из "1984". Надо вырезать. Уже с неделяю нет новостей от сейсмологов. Сегодня, говорят, умер майор Хаддад и его место займет какой-то Халиль, кажется. Я об этом очень мало знаю и понимаю. Неделя прошла совсем спокойно, без потрясений. Мы уже запели было хвалу или "песнь о благодарении". Завтра надо выйти в магазин, пожалуй, надо лечь. Придумал, что забыл, и очень жалко, спросить у Галецкого, что значит по-французски - ФЬЕ^{x)} - из Монгольфье. Никто, как он, не ответит. Утром говорят, что рухнула дамба золоотстойника на Дальневосточном проспекте и маршруты изменяются на ходу. Связь Веселого поселка с Малой Охтой.

.. Как разноцветные камешки все эти соринки, что мы выбираем из риса. Рис и чай, и наша действительность становится такой же дальневосточной. В другом месте, на буфете,

x) Фюнерал - похоронн.

я наливаю себе чай, Я не знаю, что значит рис необрушенный. Может быть это грязь - это рис в шелухе. Некоторые зерна, просияные, напоминают коноплю, но они гораздо мельче. Все это вместе, это обточенные морем полудрагоценности, такие разнообразные и неповторимые. Почему-то слабый чай, в котором видна тень на дне чашки, а не чай, ассоциируется с Востоком. Оля говорит, что мама уже стала забывать про палку и ходит так. Мечтаю ночью о ее готовке. Приедет, сварит борщ или щи, а сами мы не умеем. Что-то часто тошнит, перекуриваю, перепиваю. Раньше как-то реже это случалось. Вера нашла под лифтом перстенек и повесила объявление. Я говорю, давай пропьем или носи сама. Посмотрим, откликается ли кто? Перстень так себе - серебряный с зеленым камушком, но аккуратный. Но она не может присвоить себе чужого, спросила у А.А., назвав его Александром Алексеевичем. Он, конечно, не знает ничего, а М.Л. дома нет. Маленький такой, едва ей на палец налезает. Ей не нравится, дешевый. Крещенские морозы так и не начались, хотя говорят, что будет ночью и пятнадцать и двадцать, но ничего подобного. Я не спал. И днем на улице было так тепло, что, наверное, можно без шапки ходить. В Крещенье буду один - у Веры опять лекция - о Брюсове. Пусть послушает. Кто-был обделен этим в детстве - полезно и интересно. Сдал посуды на червонец, взял Балтийского. Этот аперитив еще ничего. Хватит денег и на завтра. Оказывается, завтра крещенский сочельник. Сегодня не слыхал даже последних известий, в газете ничего нового и по себе не могу сказать, случилось ли что. Аперитив-то, в общем, хороший. Дома все спокойно, ни звонков, ни писем нет. Как-то дождаться одиннадцати и придется поискать вино подешевле, нужно кое-что еще купить. Снова испытываю какое-то подобие удовлетворения жизнью. Пока все хорошо. Я вспоминаю, что и раньше у меня на руках случались свободные копейки, и я мог покупать, что угодно, хоть репродукции, и потом их раздаривать. Но бывали и такие дни, что за грех продавалось все, от туфлей или бушлатика, до японского издания Сессю. Книг и не перечесть, сколько я напродаивал. И у меня появилась какая-

то новая осторожность, так я проходил мимо и не брал, - ходя мог, книгу с репродукциями Вельса, которая мне была бы нужна и сейчас, лишь бы потом не продавать. Раз на Сенной, я ехал в метро, в вагон вошел человек с книгой, только что купленной, по-видимому, "Землетрясения, тайфуны, цунами" Болта, и, хотя у меня был трюльник, я не пересел и не вышел, и не купил. Я заглянул, когда он ее открыл, но там сразу же пошли какие-то диаграммы, может быть это специальное издание. Супер черно-белый, таинственный. Не могу не пожалеть об этом. А так-то, конечно, я массу сообразительных вещей перевидал, но как-то нет у меня стремления все заполучить. Давно прошло.. или и не было никогда. До одиннадцати не досидеть, сейчас ночь, пятый час. Придется ставить на то, что инстинктивно проснусь вовремя. Куда пойти, магазины так разбросаны, важно угадать, где будут давать бормоту. Сам-то думал взять на эти дни три фунфика, да купил шоколадку, как Вера просила, - по рубль восемьдесят, а вина второй день нет, на Бухарестскую сходить поленился, и вот выходит, что еще и съезжено-мил, беря тут подороже. Значит, если будет Агдам, хватит и на чай, и на беломор. Да, так вот раз тут в Купчине, я набрел на немецкий иллюстратор атлас мира, за семь с полтиной, я взял глянул, но немецкие географические названия до того путанные и сложные, что охота брать его прошла сама собой. Неужели, что-нибудь в этом роде мне может быть вменено. Издан-то он, конечно, лучше наших, - карты качественные, но ведь в этих их названиях черт ногу сломит. Христос спаси от такой идентификации, ведь они могут зацепиться за то, что я был в Германии и чего-нибудь должен сознавать в связи с этим. Нет, меня не купишь.

Встретил котика, в точности, как на картине у Герты Михайловой. Треть морды рыжая, остальное - черное и два ярко-зеленых глаза. На теле есть и белые пятна. Шерсть лоснится, и вест он очень раскормленный, сидит рядом с голубями и они друг на друга не обращают ни малейшего внимания. Но у Герты Михайловой эта животина миниатюрная и написана матовым маслом, а этот будет покрупнее. Фосфорес-

цирующие глаза, и хочется его прямо украсть. Много кошек выпускают сегодня погулять. Тепло, а они далеко от своих дверей не отходят, сидят на снежку. Продается ром кубинский по четыре двадцать полбанки, но я беру портвейна по два семьдесят. Как и предполагал - хватает на все, кроме сушек. Вот на сушки у меня почему-то никогда не хватает. Включаю магнитофон, на удачу, поет Раш. Как давно я не слыхал этого блюза - "Вся твоя любовь". Слушаю всю касету, доколе можно. Тут, на другой стороне и Дженис с Фул Тилт Буги. Слушаю английские новости: похищение, убийство, самолет сел в Караки - взрыв, никто не пострадал. День напряженный. Уже не секрет, что Перу и Эквадор вновь начинают военные действия в Кондор-Кордильерах. К вечеру, что-нибудь случится еще.

Нащальствия хозяйка перстня.

Двадцатого января в десять часов двадцать четыре минуты произошло землетрясение в Румынии. У нас сила его была четыре с половиной балла в районах южной Молдавии, а в Кишиневе - четыре. Жертв и разрушений нет. После полу-месячного перерыва это первое сообщение о подземных толчках. Вообще там они бывают и катастрофические, как Бухарестское.

Похолодало не сильно, но люди замерзают. Понадобится несколько морозных дней, чтобы привыкли. К счастью, ветер утих. "Известия" снова интересно читать. Сообщается, что одна американская газета писала, что атомоход "Ленин" продали на металломолом Южной Корее. Было это в семьдесят девятом году. Вышла книга стихов одного поэта, афганского или пакистанского. Переводы с пушту Михаила Еремина. Ее продают только по заказу. Достали и чая, говорят, более дорогого, как в Англии. Не отражать мне свойственно - также, как видеть сны и потом их помнить. "Знать" - по-моему, значит что-то другое, чем по принятому значению. Давать всплыть воспоминанию во всю ширь, до содрогания. Не в спекуляциях на почве этого дела. Я признаю автономию подсознательной деятельности. Такое же чувство испытываешь, когда видишь и понимаешь, что что-то из кажущейся обыденной жизни оказывается внедренным в твое сознание. А без

этого живешь, как бы без оглядки, и вот на этом сея ловя, испытываешь то же. В этом и сам смысл жизни растворяется. Сознание разумности и неразумности, заложенных в основе сложных ситуаций и их уразумения, вот что это такое. Происходит, кажется, все меня, но это со мной, и только, связано. Этим трудно поделиться. Все немного знакомы друг с другом, как признак зрелого возраста. Знаю, но мало, но и совсем не знать не могу. Раз, да другой, и что-то откладывается навсегда. Как бы я ни замкнут был, но какое-то... подобие общения я поддерживаю бессознательно почти всегда. За пределами этого область уже нирванического покоя и безличности, то что существует не сжимаясь и не расширяясь, третья форма жизнедеятельности. А вот в чем сущность поэтической переводческой деятельности - не смогу сказать, да это и не моя обязанность пока, кажется. Все в сравнении и приходится подбирать для сравнения параллели к тому, к этому. Все полно этим и медленно и без сомнения это доходит до моего сознания. А еще есть ночь, чай, курение в процессе работы. По слову о каждом из этих компонентов, и мы имеем дневник, точнее уже ноцник, какойто настой всяких мелких дел, которых и замечать-то не стоит. Но иногда фиксировать их подряд необходимо для уяснения себе того, что все, что мы ощущаем личным своим или нам принадлежащим, и то, что являясь самостоятельными вещами, входит во взаимодействие с нами, создано по одному образу и подобию, как бывают ткани разные по качеству и расцветке, но в сущности являются просто тканью. А самой по себе идеей о сотканныности мира-всего, не увлекаться. Хоть и злишься, бывает, но не вынашиваешь в себе другого человека. Есть будничность и в субботних и в воскресных делах, нескончаемая повторяемость одного и того же. Находясь в области психологии, оказываешься в области фонетики.

Жена сидит напротив и делает лечебную ванну для ног и одновременно читает, потом отвлекается - необходимо ухаживать за ногами. Возможно, ей лучше бы здесь меня не видеть, но я занят интересным наблюдением за ней. Мы обменываемся привычными репликами, но большую часть времени проводим молча, не мешая друг другу, и каждый занят своим

делом. Я сегодня подумал, что диалог мог бы состоять и из совершенно несравнимых по объему частей, например: один говорит одно слово, другой ему в ответ две тысячи слов. Мне пришло в голову, что это нечто о формотворчестве, и вспомнился один мой совсем старый натюрморт, где на венчущем фоне, красном и рыжем в крапину, были изображены два бумажных пакетика с сахарным песком, с остатками, точнее, сахарного песка. Не могу понять, куда он девался. Он был на картоне, написан маслом, которое я тогда разводил до консистенции лаков и, нанося на грунт, снимал бритвой краску, оставляя только яркие пятнышки. Мне показалось, что он был прост и неплох. Потом мне знакомые однажды принесли с улицы дощечку, кусок фанеры, весь испещренный следами каких-то красок, почти повторяющую гамму моего натюрморта. Но на ней я ничего не нарисовал. Со временем и она исчезла. Скорее всего, что и ее приняли за мое продуцирование. Много только позже, я увидел дом с вкраплениями красного кирпича, в качестве декоративного рисунка, который я должен был сравнить с отбросами, с вылеснутыми в унитаз чаинками, а я старался подобрать какое-то другое сравнение. Как перечисления мест изготовления разных пищевых продуктов в надписях на консервах или на упаковке, могут быть интересны и эти, с позволения сказать, воспоминания. Как кто-то говорил — бесконечная их длинна уже является литературным приемом. Но как же быть, если второго лица в них вообще нет и диалог происходит если, то как бы между разными половинами меня? Так же и со сходством — вещи, схожие между собой, схожи внешне и внутренне. Я кладу книгу на табурет, а они одинакового цвета и, за счет этого, они кажутся из одного материала сделанными. Я думаю, эти восточные сборники, это "Солнце в зените", выпуск десятый, это настоящая табуретка для сидения, так же примитивно сколочен. Это, наверное, вообще можно сказать об их характере. Или, например, кофейная чашечка и блюдце одного цвета со сборником китайских новелл. Я кофе не пью и вижу сервис редко, использую не по назначению — храню в ней мед. И китайский сборник с глянцевой, темноглянцевой, цвета,

глянцевой обложкой, достойно сравним, и с кофе, и с медом. Какой-то человек бродит у нашей остановки перед магазином в пятом часу ночи. Видно, что тихо и холодно. А жизнь в домах, как бы разделенная на мужскую и женскую половину, тут, как бы вся, оказывается сосредоточена на женской половине — весь город спит, только я да еще считанные люди в нашем дворе и на всем обозримом пространстве, которое охватывает не один, а несколько дворов по обе стороны улицы наш взгляд, только считанные окна освещены в нашем углу двора. Пусть говорят обо мне, что я художник чая и его принадлежностей, живописавший в тревожный век успокоение чайных обрядов и церемоний, любящий только предметы, имеющие отношение к чаю, хотя бы и не прямое, как алкоголь и фрукты, книги и курево и про себя добавлявший еще иконы ко всему этому. И вот сюда вводящий еще что-то, в свой натюрморт, что-то, гармонично сочетающееся с чайной утварью — огонь или хлеб или, наконец, облака, озаренные невечерним светом за окном, всему этому старающийся придать простую, но граничащую с хитростью, крепкую конструкцию хорошо поставленного натюрморта. И в жизни старающегося усматривать красоту явственных взаимоотношений вещей, законы красоты приравнивающего к всеобъемлющим понятиям, с бесконечным количеством значений. Художник семиталистский по методу, в смысле — полутиалистский, дитя или продукт эпохи знаковых систем. . .

Это было в то время, когда, случайно зайдя в магазин, можно было купить и масляную красную краску и сборник стихов Саят-Новы в малой серии "Библиотеки поэта". Я поздно возвращался домой и, положив рюкзак с этими предметами под сидение автобуса, потому что он был пуст совсем, задремал от усталости, которую я испытывал, и задремав, сошел на своей дальней гаванской остановке, забыв все это там. А я только уснул где-то заглянуть в сборник. Мне показалось, что перевод очень качественный, прямо по-праздничному хороший, и мне было потом жаль этой пропажи и не хватало чего-то в связи с этим постоянно, как не хватило тогда красной краски для работы, не помню какой; пока я не посмотрел в кино "Цвет граната" и не понял, что в подобных приключениях

границат книга и кино и им названия-то не подобрать.. Если это называется быть обокраденным, то я и был обокраден. При этом рюкзак с книжкой и тубиком стоили какие-то копейки, но ущерб состоял не в стоимости их, а в другом. Мне кажется, что я раньше бы обратил внимание на искусство Кавказа и гораздо лучше бы знал, скажем, легенды и Пирсманишвили и мог более целенаправленно расспрашивать своего отца. Он говорил мне сам то, что считал нужным из своих воспоминаний о кавказской жизни, и о том, что выставку Пирсманишвили он видел еще в Москве, т.е. он сообщил мне какое-то отношение к этому лично, но я был приговорен знать об этом заочно. Я помню, как один человек,смотрел толстый новый том "Грузинского искусства" в старой книге, в Академии книге, и было его не перекупить. Он стоил, что-то, пять рублей. И получалось, что мне предстоит узнавать об жизни этих людей из кино и книг со значительным запозданием. Фильм об Нико Пирсманишвили я посмотрел, сидя в сумасшедшем доме, а выставку его и вообще впервые его живую живопись, уже по освобождению. А так я знал только, что не обладаю таким точным глазомером в выборе формата и размера своих натюрмортов, принципиально по-другому выбираю. Мы живем в таком мире, где помимо беспрерывной встряски и ее последствий, мук, имеем, почему-то, еще разговоры о живописи, как особый предмет. Даже "Известия" сегодня напечатали статью о пропаже из Будапештского музея шести холстов Рафаэля, Тьеполо и Тинторетто, украденных итальянской мафией. Независимо от этого кажется, что уже есть искусство-веды, следящие за судьбой похищенных и исчезнувших произведений (если им о ней что-нибудь известно, то это их самих заставляет подозревать в причастности к похищению) и не достает только описания приключений переживаемых шедеврами, как самостоятельного жанра. Это с утра так представляется. Но вот красть произведения в зародыше, что-то особенное и отличное от разговоров об искусстве.

Сегодня в девять утра по московскому времени, в тридцати километрах от Пржевальска, на границе с Киргизией произошло землетрясение. Ну и, как обычно: по предварительным

данным жертв... и т.д.. Вот образец оперативной информации сегодняшнего дня, а в остальном мы имеем дело с мыслями и новостями вчерашними, о которых только сегодня что-то сообщается по телевидению. Говорят еще о циклоне на Сахалине и показывают город, весь заваленный снегом. Так же показывают испаряющиеся на сильном морозе реки в Соединенных Штатах, говорят о сорокаградусных морозах. Крещенские морозы.

Чайник закипает и некоторое время шумит пар, пока я не выключаю газ. Простой трехсотый чай распускается как будто необычайным букетом с вкусом и ароматом, затмевающим все. Ночь. Сегодня я погружаюсь в забытье, соответствующее состоянию сна без сновидений, и так провожу все это время дня, когда идут телевизионные передачи, более-менее сносные. Они повторяются на неделе. И вот состояние сна без сновидений устанавливается в одной сфере, а состояние забытья - в другой. А на другой руке негативизм всеотрицания, отталкивающих выходов, каких-то крайне своеобразных привычек. Это сердцевина мудрости, пустота. А судить обо всем остальном надо по полутенам, по тону и полутону, по оттенкам.

... В то время я еще не мог быть изгнан по городу за красный Псков, и мне пришлось добраться до Ташкента, чтобы немного разобраться в правовой стороне этого дела. Там с нами поступили по-каракалпакски. Мы добирались до студеной горной струи, чтобы немного прийти в себя после ленинградской пьянки, а нас подсадили к плану в спецприемник, и мы вышли оттуда перерожденными. У нас были с собой книги, которые привязывали нас к родным краям, а нам нужно было сидеть в подвале с загородкой и ждать дня отправки на север. У нас был альбом Феофана Грека и книга по священной истории, о первых христианских подвижниках в Святой земле. Так тогда были раздвоены наши помыслы, и мы не представляли себе, что один грек прошел перед нами этим путем задолго и навсегда. Зато я ясно сознавал, что мы там попали в период полного спокойствия. До уничтожительного ташкентского землетрясения оставалось года три четыре. И я помню, что мы на все, окружавшее нас, могли

смотреть прямо. Несмотря на ранний месяц, март, уже днем хорошо припекало и по нашему мы могли раздетыми быть по-летнему, а ночами дышалось свободней под синим небом или не спалось на нарах. Вот какие есть законы в Узбекистане, позволяющие приезжего упрятать в спецприемник. Такой профилактикой жизни там, должно быть, занимаются и сейчас. Я думаю, что вся эта эпопея с планом — не слишком дорогая цена за номер Туркестанских ведомостей, который мне попался позже. Насколько интереснее он по содержанию современной газеты. Теперь, когда говорят или передают телевизионную передачу о Ташкенте, я вижу, что там ничего старого и не сохранилось и все заменяют современные здания с обилием, как кажется, стекла, я вижу, что мне в новом Ташкенте не бывать, так все изменилось. И мы должны понять, насколько более живучи привычки у людей, поскольку только они сохранили и пронесли дух, связующий нессоединимое и не перестали быть такими, какие они есть, соединением Востока с Западом, на деле, в человеке. Особенно поблуждать по городу не удалось, но мы побывали в картинной галерее и музее современного народного искусства. Сходили в русский храм, где обидие прихожан было необычное. Побывали на городском базаре, где все продавалось, все осенние плоды, фрукты, виноград; на барахолке на окраине мы уже продавали себя шмутки и переодевались в ватники и переобувались в сапоги для поездки в горы. Кому-то я продал свитер, хотя он бы мне не помешал, пожалуй, а вот со своей меховой шубой я-так и не расстался там. И вот все эти переходы по городу, особенно долгий путь в церковь и на барахолку за город почти, потом прогулки по дороге к дому, в котором мы обитали, а, главное, конечно, трехдневная поездка в горы через Чирчик в Брич Моллу, созерцание гор по дороге оттуда, когда мы шли долго пешком по шоссе, — ночью и вечером и утром. Я составил себе какое-то представление об этом krae, хотя чего-то непохожего на перечисленное выше, не увидел совсем. Юра был любопытнее меня и совершил вылазку из приемника и говорит, что повидал район совсем не похожий на вокзал, когда нас выпустили с билетами до Куйбышева, а мы еще думали, не продать ли и их и не махнуть ли в Чаткальский хребет, где, говорили, можно было простоять,

собирая грибы. Интересно знать, как бы нам это удалось; путь вдоль глубочайшей песчаной канавы, на противоположном берегу которой уже цвели деревья персиковые или абрикосовые, мы не знали, но видели, как они прекрасны.

Сейчас счищают снег на улице и машины идут одна за другой с небольшим интервалом на маленькой скорости, слегка притушив свет, и их тяжелое и долго сльшшисое гудение вызывает представление о перевозимом нестандартном грузе, который ночью тащат по нашей улице тягачи.

Произошла путаница с числами. Оказывается, я писал на день раньше, чем помечал числа. Все еще двадцать третье. Первое, что я сегодня узнаю, так это то, что картины, украденные в Будапеште, нашлись, и вчера их передала греческая полиция. Вот и вся история. Сегодня говорят, то есть пишут, о Кипре, о воссоединении его частей. Как я заторчал, что уже числа переставили местами. Я бы мог еще вспоминать о Ташкенте, но боюсь, что это будут одним моим воспоминаниям, кажется ничего из этого не уделено, все было разрушено. Обжигающий горло глоток. Когда мы узнаем о смерти Лени Аронзона, мы пьем "Узбекистон" на улице. Наши семиградусные морозы никого не останавливают; делают вид, что их не замечают. Но в жизни природы они заметны и оставляют свои следы. Вода, стоящая над канализационными люками, испаряется на воздухе, и не видно птиц и животных. Голуби, правда, получают свою порцию зерна у торгового центра, но приснившееся нашеество синиц остается сладким сном. Тогда-то Юра и написал свою серую книгу, и по приезде в Москву, мы ее уже продолжали пристраивать, но никто не хотел брать.. Мы прожили в Москве месяц, все не ехали домой. Может быть, это было главное. Я видел, как он ее уничтожал потом, хотя она едва ли не вся была еще нами перепечатана в Иzmайлловском. Но и потом мы с ней носились. А внезапно оказывается, что никто не забыт и ничто не забыто, и что прекрасно знали этого человека с другой стороны. Это был еще один портрет Хлебникова, но в форме. Но вышел варить кашу, слышать этот шум закипающей воды. Я должен готовить нам поесть, и мне приходится изобретать блюда для наших

обедов, и самому их готовить, и самому и есть.. Варится гречка, будут на обед сардельки с кашей, и я должен быть успокоен насчет своего будущего.. После того, как вышел Артемий Богданов Ааратский ничего удивительного нет, что мы торчим на простейших отравлениях. Мое дело не дать ей убежать, но она и не бежит. Нужно будет еще отварить сардельки, а кашу спрятать под одеяло, в газетах, во всем, что греет. Посолив кашу, я заглядываю в чайник. Осталось два глотка чая.

Мороз ослаб и пошел густой снег, полегчало. Я думаю, что ветер не стихал и что при выходе на открытые пространства он подхватывает человека и заставляет сопротивляться ему. Со всех карнизов веет снежком, когда налетает порыв ветра. Слышно, как несмотря на низкую и плотную облачность, в небе ходят самолеты. Передают, что в Москве сегодня была гроза, якобы оттепель на почве и при этом сильный мороз на высоте пять километров создали условия для зимней грозы и, что за последние десять лет это не то пятый, не то седьмой случай подобный. Идет дождь. Ни каких вестей оттуда от Иами мы не имеем, наверное сегодня Верочка будет звонить. Оля обещала разузнать подробности ее жизни. Мама поехала, когда бабушка была еще жива, и успела побывать с ней неделю с живой, попрощаться. Уже месяца два прошло с тех пор. А у нас туман и все падает косой мелкий снежок. Уже занес все крыши, пропорошил следы, разровнял поверхность участков, занес автомобили. Детские площадки как небольшие ре-продукции с малых голландцев. Миниатюрные постройки для детей передают некую уникальность каждого отдельного вида, на участках, разгороженных неодинаково подстриженными кустами. Детей сейчас нет, они чем-то заняты в детском саду, и под падающим снегом никто здесь не гуляет, не видно ни кошек, ни собак, ни птиц. Хоть мороз и отпустил, утром было градусов двенадцать, но погода, как видно, не из приятных. Я часто смотрю на площадки детского сада в ночное время и вижу их в ином освещении. Они среди кустов и сугробов, в темноте, рассеиваемой или сгущаемой одинокой-голой лампочкой у здания, напоминают замерзшие голландские

руды при луне или в непогоду. Тени подчеркивают эту пропорцию, и она хорошо передана в архитектуре беседки, очень тесной и покосившейся, столов со скамейками, песочниц, каких-то навесов и фантастических лесенок и каких-то кувыркалок, сваренных из трубок. Как на картинах, иногда детского народа становится вдруг много-много среди всего этого.

Купил вчера бутылку "Стрелецкой" в ближайших "Крепких напитках", но пошла плохо под усиливающийся мороз, спал, отсыпался, как-то и день, и ночь, и утро, и вечер. Просыпался, конечно, но выпью и засыпаю снова, отчего-то вдруг так устал, или это только от погоды зависит? Болели ноги, я пытался что-то посмотреть по телевизору, пьесу Горького, но сам переключался на "Международную панораму", а потом и засыпал вовсё. Пишут о комете и специальных кораблях для обследования ее, о затоплении двух станций московского метро, об урагане в Шотландии и о пожарах в Южной Африке, о железнодорожной катострофе под Бомбеем, во время которой погибло более тридцати человек. Регулярно сообщают о подземных толчках, но не прогнозируют этих явлений. Столкновения в Марокко не стихают. Пятки еще ноют, в пятницу, по-видимому, будем ночевать на Петроградской. Как-то получается даже лучше не пить, но трудно удержаться, когда есть возможность. У меня там столько бутылок несданных, что можно висеть дня три на той квартире и пить, да у меня одного сил не хватит своротить эту гору пустой посуды. Я успеваю заглянуть в Федорова, пожалуй, его нужно перевезти сюда. Или пусть там хранится? Ждет, пока мы опять приедем туда пожить. Тут ведь, в связи с переломом у мамы, очень долго пришлось прожить там. Я читал Федорова по утрам, когда Вера уходила на работу, понемногу. Я недалеко продвинулся. Еще там есть номер "Часов" с моими записками и со стихами Ю. Галецкого. В один день всего не пересмотришь. Пожалуй, Федорова нужно забрать. Ну, а что делать с Федоровым? С "Мифами острова Пасхи"? Там таких книг нет, а здесь сказок и легенд очень много. Еще несколько книжек там сложено, в частности, "Происхождение славянской письменности" — не читаная, а несколько книжек моих. Кара-тепе с описанием одного сосуда

надписи на нем, Шиддар об ~~жизни~~ исламском влиянии. О реке Великой есть место в одной смешной брошюре "По Псковско-Чудскому водоему".

Мне нужно разогревать обед к определенному часу - я готовлюсь к этому нехитрому делу целыми днями, не могу быть спокойен пока все каши, и сардельки, и бульоны, и чай уже не разогреваются потихоньку, дождаясь только прихода Веры. Пока я успеваю смести крошки со стола, подивиться на буфет и подмести и протереть мокрой тряпкой пол. Каждый день одно и то же, пыль, волосы, песок, табак, пепел, крошки, чаинки. Пятна, капли, подтеки. Я забываю о газовой плите, за чистотой которой должен следить, и она, как и всегда, облитая чаем.

Свет фар прорезывает туман на несколько метров впереди, яркие красные задние огни горят в темноте. Чья-то машина ночью выбирается со двора.. Противоположная сторона улицы тонет в темноте, у дорожного фонаря дрожащий ореол. Он только подсвечивает туман. Зеленый-немеркующий глаз говорит, что путь свободен. Через полчаса, когда я выглядываю случайно в окно, туман сгущается настолько, что двор начинает плыть, и его очертания теряются за пределами круга видимости. А на улицу нечего и смотреть - там такая темень, ни фонарей, ни светофора. Во тьме начинают перекликаться гудками какие-то заводы. Сначала они. Надсадный рев моторов доносится со стороны улицы, но не видно ничего. Ничего абсолютно не видать, такого не запомнишь. Вот и хочется просто сказать, что от каких-то мыслей не надо и пытаться меня отвлечь. Почему не сегодня? Эти мысли сегодняшние. К утру прояснилось. Тумана осталось ровно столько, чтобы на небо не смотреть. Город весь запорошен свежим снегом. Девять градусов. Обещают к вечеру повышение температуры. Улицы вынырнули из тумана тщательно подметенные, а на небе, конечно, никто не разгреб дорожки.

Наступает тишина, и ночь завладевает своими правами. Серия последовательных тихих звуков, сопровождающих приготовление чая, завершена. Может быть в последний раз срабатывает лифт. После всех этих манипуляций, большой чайник запевает свою песню. Только работает холодильник, да шумит

зуммер на дверном звонке. Зуммер можно выключить, а холодильник выключается сам. Ничего нет-сильнее, здесь-это скажу, ночных приемов-чая. Выпить чашку густого, такого, что вторую не скоро захочешь, тридцать шестого, закурить, глянуть на часы - начало ночи. Испытать удовлетворение от самой той позы, в которой ты сидишь. Будет тишина про всю ночь. Не видно уже на улице прохожих, и городской транспорт не ходит. Такси да грузовики еще пробегают изредка по улице. Общее впечатление сырой оттепели, прекрасно передано состоянием улицы. Хоть утром-и был мороз, к двенадцати, когда я поднялся, началась капель, оживленный стук по карнизам, и на улице было затишье, я не попал нигде на ветер. Было не меньше нуля и совсем тихо. Я кожу в магазин дворами и если вижу что, так из дворовой жизни. Дорожки подтали, снег стал скользкий, а в тех местах, во дворах, где асфальт подогревается, очень быстро начинает таять. Тёмные круглые лужи на месте лыков, откуда-то из-за мусорного сарая валит пар. Люди гуляют с детскими колясками, здесь всегда утром и днем много молодых матерей с детьми, так как в соседнем доме детская поликлиника. А вообще гуляющих в этот час не видно. Немного народа в очереди, можно бы пива выпить, как раз по погоде, но у меня расходятся все деньги. Кроме "Стрелецкой" у меня ни на что не хватает, а мелочь приходится отдать за беломор. Вера ругается, когда я покупаю "Стрелецкую", и мне приходится объяснять ей, что на кубинский ром не хватает, а "Стрелецкая" то же, что раньше "Перцевая" была, и у нас к ней привычка. Кое-как она соглашается выпить эту, как она говорит, отраву. Мне просто очень не хочется далеко отходить от дома и долго оставаться на улице, я спешу со своей авоськой домой, забыв о пиве. Ничего примечательного по дороге не попадается, да и потом тут так близко, но все же встречаю Алексея Александровича, здороваемся. Скорей, скорей, выпивка, закуска, газета, все занимает понемногу времени. Мне скоро начинает хотелось спать. Обед готов, можно лечь. Чай чуть теплый, комнатной температуры, он остыл, пока я исписал страницу. А я и всего-то хотел сказать, что чайник

заварочный и пиала, очень точно расположенные на столе и относительно друг друга, как-то белой ночью, произвели на меня неизгладимое впечатление. Почему-то в полумраке возникла иллюзия, что стол за этими предметами полукруглый, хотя он прямоугольный. И сколько я ни курил всякой всячины, чайный приход, позволяющий созерцать гармонию, сильнее всего прочего. Конечно, когда одно идет в сочетании с другим, еще сильнее, но, может быть, и нет. В белые ночи у меня появилась привычка оставлять с треть-бутылки вина на ночь. И, конечно, почная тишина, вино и чай создают предпосылки для обострения видения. Я нарисовал на серой бумаге такой патюроморт, но он является скорее знаком, чем адекватной передачей состояния. Тогда чайничек был еще старый. Вот ничего не видь, не ищи, не подбирай, а лайнички знай. Сейчас у нас чайник очень обычный, или я к чему еще не привык? Он больше по объему и устойчивее. Достаточно поместительный. Говорят, что в Москве к утру мороз достигнет семнадцати градусов, у нас нет, как будто. Не хочется застыть у окна. Мне случалось простужаться, сидя так у окна, и я стал гораздо внимательнее к погоде. Раньше, бывало, что-нибудь выдающееся привлекало внимание — неслыханный дождь, ветер, наводнение... Но однажды я шел по Большому, мы жили еще в Гавани, нужно было в больницу Ленина. Погода зимой, предположим, что в такое же время, как сейчас, была абсолютно тихой, все до последней веточки, а там ведь сплошь деревья, было покрыто роскошными кристаллами снежинок, которые совсем ничем не были тревожимы. И я понял относительность разницы между внутренним и внешним, между домом и улицей. Я, конечно, и мечтать не мечтал о том, чтобы это состояние природы перевоссоздать дома, но я был так им захвачен, что как бы слился с этим состоянием. Конечно, чудеса редки и я редко теперь выхожу из дома.

Почти пьяный должен был встречать Таню в глухом углу Петроградской, как-то осенью. Вот, пожалуй, еще раз тогда, вид осенней листвы в садике или рощице, место-то это по виду совсем загородное, я почувствовал гармонию природы, которая сильнее меня. Да как-то осенью, в другой

раз, залюбовался деревьями до того, что можно сказать на-
всегда, здесь, в Купчине. Но охватывает подобное состоя-
ние редко. Ничто так не возвышает души. Только любование
весенними цветами деревьев сравнимо с этим. Зрелость
осени, особая спелость впечатления была проявлена полно-
стью. И мне кажется, что каждое это впечатление, это прямо
марка ~~мири~~ амриты, как бывают марки чая. Даже так можно
сказать, что я и пью нечто вот этих марок: зима, да две
осени, да весенний цвет, пожалуй.

Выгляни в окно. Почти все спят. Автобус, не останав-
ливаясь, проезжает по улице. Где-нибудь во дворе должна
дежурить скорая помощь. Может быть зима будет такой мяг-
кой. Впереди февраль, самый холодный месяц. Какой-то он
будет? Так надо понимать, что от Москвы на нас движутся
холода, но балтийский воздух не вытесняется, не уступает
морозному московскому. Это обычно зимой. В пятницу надо
ехать на укол к врачу. У меня теперь новый врач. Как-то
так перераспределили участки, что мой он, где я и не бы-
ваю, достался другому врачу. Теперь надо снова знакомить-
ся.

Как-то тут мне очень понравилась музыка Гагаку, слу-
шал ее после большого перерыва. Особенно первое произведе-
ние, которое, как мне показалось, занимает целую сторону
пластинки или кассеты? Я дал себе слово устроить еще раз
такое прослушивание, но пока что-то от этого удерживает.
Еще живо то впечатление. Получилось, что из всех кассет
всего лучше записана эта да *Rage Hendrix*. Вот и слушаю
их по очереди, иногда вставляю блузы. Есть еще опера
"Иисус Христос" — ее тоже громко и хорошо слышно, а ос-
тальные кассеты погублены, или до того непривлекательны, что я
их никогда и не послушаю.

В такой день лучше бы было слушать птиц. Солнце еще
не село, что птички больше не поют. Медленно летают воро-
ны по одной, по две. Ветра нет. На небе мелкие орнамен-
тальные облака, сквозь которые видно голубое. Они вызыва-
ют представление с молодом льде. В такой день очень четко
различаешь музыкальное от немузыкального. Отсюда из дома,
по виду, прямо день весны.

В этот час скимание на улице утихают, только школьники расходятся по домам группами и поодиночке. В доме то же, что и всегда: работает лифт, выносят отбросы, гудят какие-то тяги, шумит вода, воют трубы, хлопают двери, слышны шаги и голоса. Во всем этом ничего музыкального нет, как нет его и в последних известиях. Весь этот набор шумов способствует утомлению...

Люди видны только на остановках, там развесены флаги, но отсюда они не очень-то видны. Сегодня шестидесятилетие переименования города. У нас все тихо, хотя мы слышали о праздниках по радио и телевизору.. Это, наверное, где-то там в городе, наши же пространства растворяют все, все признаки праздников. По ассоциации, когда мы говорим о пейзаже, то имеем в виду пейзаж малых голландцев, пишут в газетах о традиционных швейцарских праздниках, одному из которых триста лет. Ничего более непохожего на наши праздники я представить себе не могу. Пишут о деревеньке, не признающей григорианского календаря и празднующей новый год по старому стилю.. Это наша зависть к чужой упорядоченности проявляется в таком подходе. Кончатся вести из дальних стран и начинаются объявления. Это то еще, что я слушаю. На этих же днях празднуется сорокалетие снятия блокады, так что праздник вдвойне. К сожалению, сегодня никуда не надо, у меня совершенно нет денег. Уже двадцать шестое. Весной не пахнет, но что-то в такой-токий и теплый день напоминает о весне, когда начнут раскрываться окна и двери. Сейчас новостей никаких нет, перечисление мест на карте. В Калининграде открылось новое здание университета, все в этом роде.

Мать, безусловно, думает о нас перед сном, и вот夜里 у меня выходят моленье. Тут я чувствую себя вправе на все это. Три часа, и я напился уже чая. Чая идет так много, что все чаще мне хочется докупить на своем копейки лишнюю пачку. Присыпали два раза посылки с чаем из Москвы, тем только и спасаемся. Верина мама, когда делает закупки в своем "Универсаме" и дают тридцать шесть, всегда берет нам побольше, пачек по десять. Обещал Кириша большую пачку Индии,

да сгинул. Вот за всех этих людей мы и молимся Богу, в каком-то тайном родстве чайном состоим. Надо дождаться, по возможности, спокойнее утра и ехать в город. Я думаю, что визит к врачу стоит того, чтобы здесь чай быть набуханным, укуренным, от чая сытым. Мне и остается исповедывать эту успокоенную чайную сытость вочные часы, когда легче сосредотачиваться. Мама вымогла мне пекой. А в утренние часы — спать. Раньше так и было. Я просыпался рано — в пять, в шесть, и вот, не прорвавший глаз, готовил себе чай. Теперь я делаю это в более успокоенном состоянии духа. Отвариваю и переливаю в джезву вторяк, споласкиваю чайник и выплескиваю старую заварку, засыпаю новую, помногу, вы даже не представляете какой крепости у меня утром чай. Заливаю заварку вторяком и прокипячиваю все это обязательно под присмотром. Конечно, я привык все это делать автоматически. И — так, чай идет у нас первым, а бублики — вместо всего остального. На столе рассыпаны аккуратные папиросы. При ближайшем рассмотрении оказывается, что они обильно крошаются. Я выбрасываю пачку раньше, чем окончится содержимое. Почти все окна погашены. Темный, почти неразличимый стоит за светофором автобус. Потом он медленно, едва слышно трогается и скрывается. Сейчас спят все привыкшие к совершенно другому ритму. В самом деле, чем хуже спать утром, когда люди больше всего приходят и уходят из домов? Этот новый ритм выработался сам. Все время я могу прилечь, полежать, но спать мне не хочется, а часто хочется курить, и я встаю, а перекуры затягиваются до утра.

Так я сам врач (и в первую очередь сам себе), но я своих пациентов не вижу и вот в это верую, что своих видеть и не надо, важно только, чтобы они были своими. Эта уверенность развивается сейчас, я позже приведу какой-нибудь пример в том же роде.

Я верю в то, что со своими встреча нас ждет, если мы были праведны. Эта вера как-то всколыхивается повременно и закрадывается сомнение, не сменился ли она жутким каким-нибудь неверием. И вот в это вот верю. Так я могу это повторять за каждой мыслью, но дух этой спонтанной веры отры

вочных убеждений передан верно. Даже не важно, кто внесли в меня эту уверенность, можно сказать, что она мне свойственна. Кто-то поддержал меня, и прежние разочарования кажутся не захватывающими самого ядра существования. Это вера какого-то сердечного восклицания, но как ее не называй, не характеризуй, дело это не меняет. Я верю в то, что вот тут что-то не подведет, т.е. в то, что все состоит из уверенности в том, что каждая вещь уже есть вера, и что поэтому вера во всем. Короче всего можно так сказать, что тот, кто находится на этом пути, с настоящим безверием и не сталкивается, а то бы его шарахало так, что никакое бичевание не помогло, и вот это-то существование в сфере веры постоянное и доказывает существование Бога... Здесь начинают зажигаться окна, когда я еще и не думал ложиться. Боже, как рано встают люди. В четыре утра начинают подниматься, они работают, наверное, так далеко. Вот это приходит на ум особенно часто. А уже почти пять. Время пролетело незаметно. Надо довершить эти записи до утра. Просто и не быть и не казаться вором. Просто не быть среди людей. Есть соблазн зайти в метро в академический ларек. Я изображаю человека, у которого на уме текущие хозяйствственные заботы на первом месте, в день, когда продают "Курьер" с Бородуrom, я обхожу журнальный киоск так, чтобы этого не видеть. Якобы у меня все сосчитано: три беломора, хлеб такой-этакий, чай, не знаю, что там еще - вино, думаю довольно.

Этот молитвослов посвящен той, что сейчас сидит, и слово бы себе дал из дома не выходить, не попадаться ни при каких беспорядках, лишь бы так не попадаться. Я последние десять лет только и делал, что пил, да курил, да писал еще в "Часы", да рисовал. Тонна чая, небось и была отпущена, это я все о матери, но вот на что-то такое, как "все пройдет, сын мой, все пройдет" отца, дважды напарывался и верю, что и не избег. Я верю в то, что поступаты отца выдавали гораздо большую человеческую твердость, но как знать, если бы мне пришлось учить сына... А так учишь самого себя. Я верю, что тот - сам дитя, у кого нет детей. Даже не де-

сять, пожалуй, уже больше лет, я так рассеянно провел за питьем чая, нигде не бывая, кроме как у Эллы, много было и вина. Я не только не прав был, но и этого чая он больше не пил — модель его высказывания такова сейчас. С изучением себя и сталкиваешься. Ночь на дворе — какая темень. Наливается слабое движение. Как-то там? Там все не так — чая никто не даст, а надо вставать, соблюдать режим. Там еще строже, нельзя быть за вора даже приняту. Может быть все же что-то попадется на глаза и составляет опыт? Редко памяти нет настолько, что я ничего не замечаю. Как же плохо ей должно быть сейчас, там даже и не покуришь. Я хорошо знаю порядки психиатрических лечебниц, но вот специально на принудку никогда не был. Может быть, в этом и зверь. Она такого огромного срока не заслуживает. И все переделав, и повеситься, и видим. Так, кажется, говорится, но я повторю, что это только модель высказывания, калька. Что способен человек, он способен годами копить усталость, никак фактически не отдохнуть. Как это может быть? Я даже представить себе не могу ничего подобного. И вот у человека нахламливается ощущение, что достаточно память изгнать и пройдет с ней вместе все.

Сегодня мне и стоит встать пораньше. Я побрылся вечером, и никак особенно готовиться не надо. Не забыть захватить лекарство, может быть, в диспансере его и нет, такое бывает. Но перед тем, как вставать и собираться, я могу еще немного расслабиться.

Сборник "Традиционная культура Китая" весь посвящен памяти академика Алексеева. Мне не по карману. Выбросили в продажу "Фламенко". Ее разбирают очень охотно и быстро. Книги по русскому говору, исторические словари продаются свободно. Иметь бы побольше денег... Таким образом усталость до беспамятства является для меня непреодолимой вещью. Но я долго не понимал, что всецело подчинился ей. Даже теперь мне не представить во всем истинном размере, до каких же пределов распространяется ее власть. И сейчас я ловлю себя на том, что совершаю нечто под влиянием усталости, и мне приходится побыстрее сматыватьсь. Успев до

трех переделать дела в диспансере, я делаю необходимые по дому покупки. Поскольку на Звездной вермут сегодня дешевый, по два сорока, азербайджанский, у меня на руках оказывается немного денег. Я покупаю два пакетика молока, кажется, Вера оно сегодня не положено. День сегодня выдался как раз темный и пасмурный. В центре так много народа, а на Петроградской нет. Пивное заведение заперто на замок, в разливе бутылку портвейна подешевле сегодня не купишь. Удар ситечком по чайнику, чтобы отряхнуть нифеля, как удар гонга, привлекающий внимание к чаю. Пусть дольше служат обувь и верхняя одежда, и даже то рубище, в котором яхожу дома, залитое чаем и рваное, пусть даже дольше прослужит, — это теперь я так-молясь, прежде чем выпить чая. Мне хочется и из этих, кажущихся в чем-то окончательными, заметок сделать свои выводы. Кажется, я успеваю в этом. Помнишь еще? «Из всех страостей апатия самая возвышенная страсть и, в самом деле, нет страсти более возвышенной, чем она...» Беккет. Мое условие, чтобы за деланием выводов мне не надо было уставать от беспокойства, мной принято. Я волен в своем распорядке дня; рыбный суп не успел сегодня приготовить. В такие дни, когда мне надо ездить в город, Вера дает мне всякие поблажки. Сама моет полы, не печатает, только вечером, почти ночью, просит приготовить чая со сливовым джемом и тихонько сидит, читая свою нескончаемую фантастику. Вот и все дела за день, не считая ее работы.

В газетах от двадцать седьмого сообщается о сильном землетрясении в ста километрах от Лимы, имеются разрушения и в других городах, и о подземных толчках в Таджикистане, эпицентр находится на территории Афганистана. Здесь жертв и разрушений нет. Вчера ничего об этом было не слыхать. Вот и польза от газет. Может, прослушал сообщения по радио.

Сильный рыбный дух наполняет квартиру. Как я голоден, если такой неаппетитный запах вызывает чувство голода. Пью Грузин помаленьку, но от этого чувство голода не проходит. Сначала рыбку, несмотря на то, что она соленая, нужно обжарить, а потом переложить в кастрюлю с водой.

Эти снетки такие крупные. На сковородке все это выглядит примерно, как шпроты. На второе есть гарнирная морковка. Моя обязанность утром приготовить свежий чай и собрать что-нибудь Вере пожевать. Сегодня мы просыпаемся поздно, перед двенадцатью часами. День морозный, восемь градусов, и это чувствуется. От голода ли, от холода ли, чешется голова и озноб пробирает. В сводке говорят, что по области ночью будет до двадцати, но в городе поменьше. Потом потеплеет. Сегодня мне выходить не надо и я думаю, что все эти благие начинания разрушу, как только.. Верочка уйдет, ей надо к своим. Там она и купит вино на завтра, а ночевать будет у родных. Я остаюсь один, и, какой бы вкусный сыр ни был, все это по боку. Я не скучаю, делать ничего не хочется, остается ходить, да думать, да подваривать время от времени чай. Когда беломор уже начинает напоминать вкусом лук, я понимаю, что надо поесть. Все делается быстро. Открыть банку с морковью, да отварить сосиски, минутное дело. Несмотря на то, что мы проспали все на свете, как будто бы все успеваем. Когда хочется есть, а пище еще надо постоять на огне, а на улице мороз, чай начинаешь приготовлять по-минутно. В три я смогу пообедать и покурить. В щель в занавеске вижу, как по улице ходят люди. Ничего особенного не заметно, только дорожки наца, как нарочно накатанные, скользкие, как каток. Люди ходят осторожно, стараясь не подскользнуться.

Для эпоса: пылевые бури на Северном Кавказе и очень сильные ветры, которые постепенно начинают слабеть, а на Сахалине бушевал циклон и железнодорожные пути расчищают автомашины. Все это далеко от нас.. Говорят, что Юго-Западный и Восточный ветры столкнулись где-то над Татарией.. там сильный мороз. У нас день был опять солнечный, праздники кончились, Романов уехал. Завтра буду слушать музыку, это малоправдоподобно и заманчиво одновременно. Я поглядел на небо - звезд не видно, небо синее, земля промерзла, повсюду лед, и зимняя красота, вследствие этого, как-то приелась. Чувствуется холод. За обедом пьем Агдам и сразу спим, но кое-что все же я вижу из "Международной панорамы"

и слышу по приемнику. Новости различные. Потом из программы "Время" я вижу часть.. Вчера показывали пожары в Лос-Анджелесе - последствия урагана, сегодня о стихиях ничего не говорится. Сейчас самый спокойный период моей жизни, мне не приходится напрягаться и делать усилия, наверное поэтому я фиксирую какие-то события, происходящие на других континентах, но это не сплошь. Ночами чая не пью, и у меня появилось новое развлечение. Пока ничего не делаю, хоть эти заметки буду писать, не хочется завернуться совсем с головой. Заходит в гастроном, там появился новый продукт - жидкий, концентрированный чай с лимоном и сахаром. Значит, не подойдет. Разлит по баночкам, почти черный на вид, каждая баночка стоит рубль двадцать. Я покупал, что и обычно хлеб, но на этот ~~рши~~ товар поглядел с интересом. Верочки Бог послал полкило сыра за два рубля, так мы и устраиваемся с питанием. Теперь можно готовить мясо под майонезом. Спроси утром - не сегодня ли? А так я готовлю бульоны или супы, и в мои обязанности входит заваривать чай, чем я и занимаюсь постоянно и уже и ночами не могу остановиться. Больше меня его, наверное, одним сторожа на стоянках пьют. С ними связь у меня потеряна, прервана. В холодные дни больше времени провожу под одеялом, но вот в такие, как сегодня, еще ничего, двигаюсь нормально, хожу и все делаю, раздетый, как обычно, хотя под одеялом ощущаю теплее. Хочется и двигаться, не только лежать, но вот из дома, как ни странно, не тянет. Все время провожу дома, также и у мамы, это прямо условие покоя.

"И для тебя нет мест, где бы я не был. Возьми Афганистан, Кавказ, Германию, даже Францию. Не жди, что кто-то нас поймет". Волковка течет мимо кладбища одноименного. Все ближе строительство. Я вижу еще зори над Волковкой. Раньше так бывало, я возвращался в час заката, когда уже горят фонари на ярком небе. Каждое такое впечатление долго не изглаживалось. И ночами, когда мне случалось проезжать среди кладбища, я постоянно имел в виду краски заката. Солнце, севшее за железнодорожной насыпью, за всеми железными дорогами в той стороне, небо сияющее какими-то оттенками чайного цвета или палой листвы, но обязательно желтое

и даже ослепительное, не заслоненное никакими постройками. Кстати, больница будет первым высоким зданием у кладбища. И, конечно, сами кладбища в центре внимания. Начиная с Расстанной, и все время пока едешь по Камчатской, а потом и по Бухарестской, Фучика, до самой Будапештской с одной стороны от дороги — кладбища. Как ни давно оно существует, но на нем хоронили еще до последнего времени. Деревья всегда тихи на закате и большой массой очень впечатляющи. К чему бы ты ни привык, не забудь, что твой отец похоронен рядом с твоим домом. Пока еще это острова леса на пустырях, но подо что-то их пустят. Никогда состояния природы, тихие, так сильно не выражены, как в эти моменты. Сама городская дымка гораздо виднее и ощущимее, когда смотришь отсюда. Растворяются дымы в безбрежности позолоченного неба. Лишь бы не сплошная серая мгла, как в наших краях нередко, в этот час. Запоминается все так, как будто это исчезнет и в этом полном-полно уверенности. На Камчатской среди деревьев, в стороне от шоссе церковь. Никогда в дни не был, но на старое кладбище ходил гулять не раз. Кладбище раздвигает улицы, и здесь они очень широки расположены и далеко одна от другой. Если что-то скрыто в природе загадочное, то на закате это видно и ближе всего к своей разгадке, к которой вплотную и приближаться нельзя. И позже, когда небо догорает, а с востока уже наливается тьма. Выходит, что дом покупался на всю жизнь, осмотрительно. Такого парка здесь никогда не вырастят, хотя за железной дорогой есть парк не уступающий красоте и возрастом деревьев.

В самом начале Невского выставка китайца, народа мало, нет. В Китаях стран народной демократии полно репродукций никого. Людей привлекает совершенно другое, а вся эта демократия на таких, как я, держится.

... Мы выпили бутылку "Белого крепкого", и я дал себя подстричь. После этого я пошел и помылся в ванне. Чтобы не было холодно, я лег спать и заснул, и проспал программу "Время", и проснулся только в половине двенадцатого. Я встал, Вера легла. Я чувствую себя налегке после бани и стрижки, думаю об иконах. Вчера Кира приносил каталог вы-

ставки Тиссен-Борнемисса, и Вера смогла посмотреть на эти картины, вернее, на репродукции. Все картины отрепродуцированы, прекрасный текст, очень интересные биографические справки. Как им странно, но о таких деталях, как то, что натюрморт принадлежит кисти Хамен-и-Леона, а не Сурбарана, заявляло телевидение еще в день ее открытия в Москве. А вот Тинторетто нет. Пока я спал, Вера сварила чай и удивляется, как я этого не ощущаю. Варю чай, я и заснул при крике Веры, когда она обнаружила, что в коробке осталось всего две пачки чая. Теперь кто-то приедет из Москвы. Оля ли с мужем, или мами с ними, еще не знаю, но чай подвезут точно. Тут все дело в наре дней — нам надо до субботы пару дней переждать. Интересно, что мама надумала вернуться, сделали что-то у нее не вышло. Точно, едем на Ленина и встречаем молодоженов. Я Сергея никогда не видел. Пока впереди половина недели, а все кончается, надо что-то предпринимать. Книги, подаренные мне на день рождения, как были положены на кухонном столе, так и лежат стопкой, я заглядываю в них поочереди, но очень коротенько, только песни Далай-лами прочитываю все с комментарием. Самое приятное, что в тех стихах, где говорится о его скитаниях в Лхасе, он называет себя Данзан Бангдо, а я на одном этюде в углу написал по-тибетски не так давно Лобсан-Данзан Джамдо, над воротами какого-то дома, не то китайского, не то тибетского. Кира сказал, что в воскресенье по телевизору будет передача "По направлению к Тибету" о коллекции Цыбикова. Под той же рубрикой "Шедевры Эрмитажа". Надо обязательно не проспать. Случайно и удается увидеть все. А вот эта прическа, под Ирину Константиновну, уже и говорит обо всем. Человек спит и во сне видит, как он поднимает свою текущую идентификацию и жизнь людей — это поднять до уровня сознания свою идентификацию и, тщетно пытаясь добиться этого, человек устает и засыпает вновь, и видит во сне уже дальнейшее идентифицирование, и снова встает и стремится вывести ее на поверхность. Тем, кому это удалось, спать никогда не хотеть, за исключением того времени, что спят, и в этом смысле все верят в сны. Не в те, которые запоминают, а есть более глупые.

бокая уверенность, что сон снится всегда, как бы человек ни спал, просто он не отдает себе в этом отчета. Таким образом, состояние сна без сновидений стодвигается куда-то в тень нашего понимания, ведь предположение о том, что типичное забытье и есть это состояние, так предположением и остается. Либо это уже какой-то великий сон, сродни нирване. И эти вечные идентификации, относительно которых просто и не знаешь, как себя вести, и создают все характерное в поведении людей, это прямо воздух того, что зовется жизнью, и недаром ее называют кладбищем несбывшихся надежд. Действительно, все обозримое пространство – это свалка дамонных идентификаций. Это и воздух, и земля, и свет одновременно. Часто люди ошибающиеся выглядят особенно ловкими в подходе к этой проблеме, таких людей я знал. А людей, живущих в соответствии с этим законом, немного, большинство несогласных с такой постановкой вопроса или подчеркнуто апатичных в этом плане. Другие как-игроки смотрят на это, по-ихнему тут что-то от карточной игры. Но быть профессионалом промзаннным еще не значит пользоваться той свободой разнообразной деятельности, которую дает только следование дхарме. Ведь чудеса могут происходить и в самой спокойной обстановке, вот и приходится признать, что готовность испытать чудесное есть особый дар, бесценный и ни с чем не сравнимый. Смею надеяться, что повидал и такое. Но видав и таких, я должен понимать, что от жизни больше пожелать и нечего, а приближение к идеалу бесконечно. Варю чай. Победит закон сансарического идентификаторства, что-то убеждает в этом. Я много пью чая и могу много записывать и, в конечном счете, эти записи – наименьшее из того, что я мог бы сделать. Вот тут понимаю, что высказанные так и просится открыть собой заметки, но нет – всему свое место. Недаром это рассуждение оказалось в этом месте, не со зрев, мысли не готовы, а сегодня я почувствовал какую-то готовность.

Кострома горит светофор сразу красным и желтым светом. Видно, что на улице холодно, под сплошным льдом блестит дорожка. Людей почти нет, те, кого вижу, проходят торопливо.

Не включали городское освещение, и все в голубой дымке сумерек. Блестящая белая снежная дорожка — самое светлое на этой картине. Час, когда я разогреваю обед, особенно уже около шести, мне приходится прождать Вери. Вот опять ее шаги, ведут мимо нашей двери, или лифт доехал до нее нашего этажа. Иногда она появляется неожиданно. Заболевая, даже к Кире отказался не зря поехать, чувствовал озноб. Вот и приходится по ночам чаи расливать. Сна нет. Поднялась температура. Только тут достаю из шкафа свою спасительницу, всю изрезанную и залатанную английскую кофту. Почему только теперь? Поди ж ты... В кофте еще ничего, а так зябко. Маргарет Тетчер едет в Венгрию, каких еще чудес нужно ждать от жизни? Я знаю, что простуда сильнее меня и свалит в постель, но пока можно походить, попить чифир, покурить. Плыешь под температурой, и кажется, что все это уже было, и точно так же я заболевал перед маминим приездом. Когда? Может, лет двадцать-тридцать назад. Ощущения все знакомые. Вера умудряется сделать закупки для той квартиры, то не достать ничего, а тут сразу закупает сыра копченого, сосисок и соломки. Чай для этого дома. Я подумал, в какой захолустный угол Петроградской превращается весь наш микрорайон, в связи с тем, что автобусы — маршрутные больше не ходят по улице Ленина. До любого автобуса надо остановку пройти или подъехать. Но так мы тоже жили, когда мы не понимали, есть ли за стенами нашего дома, нашей комнаты, что-нибудь кроме темной ночи. Кира приглашает к Герте Михайловне. Все зависит от того, как буду себя чувствовать. С гриппом в гости неудобно идти, туда в столичные апартаменты. Так вот начинаяешься, готовишься к чему-то, а потом вдруг заболевашь, значит, уже перестарался. Я очень хорошо знаю в себе признаки болезни, и меня трудно застать врасплох. С небольшим недомоганием я справлюсь; не было бы гриппа. Сейчас я знаю, что отговорюсь от любых приставаний, зараженность оптимизмом так велика и явна. Человек ведь имеет в своем составе две доли: оптимизма и пессимизма, и вот сейчас выявляется пер-

вое. А так я превращаюсь на какое-то время в ординарного слушателя последних известий по радио. Очень немногое вычитываю из газет. Все еще есть с чем сопоставить происходящее, хотя люди, которые внущали мне поддержку, умерли или находятся так далеко, что до них не достать никоим образом. Запереться снова в комнате у мамы и воспринимать все звуки, как вой ветра за стенами жилища; что нам предстоит? Или пожить всем троим в квартире с японской музыкой?

Китайский Новый год 2-го февраля. Хороший грузинский чай "Эгриш". Если насыпать заварки побольше, с полкулька, получается отвар, от которого витаешь в воздухе. Этот чай, заключенный в аккуратные пачки, с рисунком серо-зеленым, стоит семьдесят шесть копеек, не из дорогих. Вот азербайджан — он стоит дороже. Звонил Кира, говорит, что взял для нас немного "Цейлона" у Миши. Я так и представлял, что это тут произойдет, какая-нибудь радость обнаружится. Даже думал все о "Цейлоне" — он-то должен бывать в продаже. Этот чай дорог, его подают перед концом. Создается новый запас, "Индия" любят больше. Смотрим, что из-за болезни, мне, наверное, не придется ехать встречать Олю с мужем. Выпиваем "Дэллер", не пьем, а дечимся. Сил хватает только досюда, все еще Новый год. Увидел, как по трамвайным рельсам ехал паровоз, на этот раз маленький паровозик был положен на трамвайную платформу, без колес и очень старый. Это действительно прямо навязчивое видение, "Человек-трамвай" какой-то. Почему мне так хочется видеть городскую железную дорогу и трамвай, не зависящим от подачи тока в контактную сеть, а передвигающимся автономно. Я видел его так коротко, что не записывай я этого вот здесь, и это видение уличное, где-то на оживленной транспортной магистрали, в разрыве между транспортом, оказалось бы внедренным прямо в подсознание. Надо быть заметливее и отдавать себе отчет. Все дело зависит от того, что мы забываем из того, что видим странного и необычайного, и даем ему внедриться глубоко в психику. Потом ведь всегда находится кто-то, кто ничего в этом странного не находит. Вот причина постоянного

несовпадения людских взглядов и причина бесконечного конфликта между людьми.

Наступило восьмое февраля.. Чуть ли не неделя болею, даже чай, чуть крепче столовского, вызывает рвоту. Но температуру удалось сбить, а была высокая — тридцать восемь и семь. Нехорошо, мама в гостях, а я даже вина толком выпить не могу. Сегодня сто пятьдесят лет со дня рождения Менделеева, случай выпить особенно подходящий бы, но вот ведь... Выпускают памятный рубль, и у нас дома часто вспоминают его, так как под Солнечногорском, откуда мама только что вернулась, его имение и неподалеку Блоковское имение, и сейчас производятся реставрационные работы. Говорят, в этом году подпись на академического Блока. Вообще постоянно упоминаются в разговорах эти две фамилии. Поневоле вспоминаю свои стихи, посвященные нашей Гавани, где говорится о домах, построенных Менделеевым для лаборатории. А впереди у нас юбилей Хлебникова и это будет, без сомнения, самое значительное событие из всех, каким я был свидетелем. Сейчас день и тихо, а по ночам воет за домом юго-восточный ветер и не дает ни спать, ни сосредоточиться путем. Светлые юбилеи сопровождают тишина и какая-то разреженность внутри себя. Помню, когда я стал работать на Ковше, я испытывал постоянно это грустное чувство, как бы сожаление о бесплодно растратающем времени. Прекрасная дорога — вдоль Ковша на наш завод всегда производила такое впечатление. Мне постоянно казалось, что эти места больше подошли бы для курорта или для съемок "Острова сокровищ", а не для добывания этого "крылатого металла", я говорю и заработке. В час, когда люди начинают стоять на остановках, а транспорт еще не ходит, когда не началась еще утренняя круговерть, а на дворе темно, хоть глаз выколи, даже не похоже на Ленинград, я встаю приготовить Веру завтрак. Ей еще можно спать с часик, и я все делать стараюсь тихо, чтобы ее не беспокоить. Теперь и мама здесь, но она по утрам спит крепко, и ей я не помешаю. Удается, бывает, что-нибудь и записывать в это время. Чувствую себя гораздо лучше, не тянет все время в кровать, не подташнивает. Сно-

ва могу пить чай, пока с молоком. Новостей у меня никаких нет. Сегодня должен прийти телевизионный мастер, что-то испортилось в телевизоре, и передачу "Путь в Тибет" мы почти только слушали, так как не было устойчивого изображения. По счастью в ней мало что было нового и незнакомого, в основном изложение обстоятельств экспедиции Цыбикова, но кое-что все же говорилось интересного о большом комплексе скульптур, размещенных в разных комнатах, чего я не знал. В этот же день в "клубе путешественников" показывали город Норовчат и его пещерный монастырь, третий на Руси после Киевской лавры и Печерского монастыря. Вот эту передачу жаль, что плохо видно; материал интересный. А так все о правительственные визитах, да об охоте на дипломатов с Ближнего Востока, которая развернулась в Париже. Говорят об американских космонавтах, об их успехах и неудачах. Индонезийскую "Палату" запустили неудачно, и она вертится на орбите не-запланированной. Говорят, что при следующем запуске Челендера американцы хотят захватить какой-то немисправный спутник и отремонтировать его. Все в этом роде. Пишут в "Известиях" об ужасном циклоне в Магадане - ветер сбрасывал перекрытия с производственных корпусов - и о жертвах циклона в Южной Африке. Сейсмических новостей нет, но с начала года их уже было предовально, думаю вырезок набралось на картинку, еще не знаю, как ее сделать. Новые сообщения о борьбе с контрабандой наркотиков - шеф монреальской полиции утаявал часть конфискованного гашшиша и героина и склопотал четырнадцать лет; один француз, официант из Парижа, привез в туфлях в Польшу два килограмма героина и был задержан, так как туфли были очень большие. Будут судить. Отмечают десятилетие независимости Гренады, жалуются, как плохо там под американской оккупацией. Война в Ливане, новое правительство, "Нью Джерси" обстреливает из главного калибра горные местности, говорят, что морских пехотинцев перебрасывают из Бейрута на корабли. У нас все заняты подготовкой к выборам в Верховный Совет, а в Никарагуа отложено обсуждение законопроекта о выборах в связи с нападениями Гондураса. Некоторые из этих новостей еще долго будут обсуждаться и не

сойдут с газетных страниц. Читаю, очень понемногу, Вячеслава Иванова, кажется, начал привыкать к нему. У нас немногих русских стихов, но есть Иванов, Батюшков, Веневитинов. У Веры несколько томов Большой серии, но не такие интересные.

Восьмого запустили Союз-Т-10 с тремя космонавтами. Программа прежняя; стыковка и работа на станции. Вот самая главная новость, пожалуй, из сегодняшних. Биографии публикуются в печати.

Девятого февраля умер Ю.В.Андропов.

Придесли Хушхала-хан Хаттака, избранные стихотворения в переводе Мих.Еремина.

"Спит мирный семьянин, пока беспутного дервиша
Морочит привраками счастья опиумный мак".

Книжка очень симпатичная и переводы, должно быть, хорошие. Я постепенно поправился. Начали сниться сны, где все время я в какой-то компании людей, которым не доверяю. Снятся различные ситуации, но это во снах вообще. Только на барахолке, разбитой на Кузнецах, я как будто бы один, но и тут все время останавливают и предлагают посмотреть то-се. Выпускаю из рук-символю книгу о мартинистах, рассматривая меха, графины, как будто отбираю вещи, принадлежащие мне, а когда прохожу ряд до конца и начинаю возвращаться — все уже исчезло, импровизированные лавки разобраны, из окна второго этажа смотрит какой-то крашенный в ржавой цвет субъект с синяками под большими глазами. Кто-то подсказывает, что это художник, рисующий здесь учителей, а в окно он так сильно высовываеться, чтобы присмотреть какую-нибудь уличную натуру. Хотя он меня видит, но ничего не говорит. А в этом месте, где я нашел вещи, — по праву принадлежащие нашей семье, открылась боковая улица, где еще нет движения — по перекинуты веревочки-и. Вдоль, кажется, тоже, как если бы она была только что заасфальтирована. Фасады небольших, выступающих на улицу или прячущихся в палисадниках домов все разноцветные, один, самый современный куб, синий, другие терракотовые и бежевые, есть и серые, наши обычные, но в целом улица производит не ленинградское впечатление.

Другой сон: я, в группе каких-то пушкинских лоботрясов с Геной и какой-то миловидной дамой, оказываюсь в районе нашей, на Блохиной, церкви, где на этот раз разбиты каким-то летними кафе. А выходит так, что этот прекрасный теплый день приходится на середину зимы, и вот люди, которых день застал случайно, на улицах, на Большом, — в зимней одежде, а те, кто гуляет в садике, превосходно чувствуют себя в легкой одежде. Мы начинаем путешествие по набитым залам каких-то шашлычных, где все-или играют в застольные неведомые групповые игры или стараются сорвать что-то друг с друга. А у меня, кроме куска анаши, в карманах ничего нет, а это я скрываю и мне неприятно очень, что все выглядят так, как будто я пытаюсь выпить Надармовщинку. Я пытаюсь скрыться от честной компании, и с большим трудом мне это удается. Но у касс Юбилейного, где какие-то помещения секций коллекционирования, я попадаю в руки коллекционеров, которые что-то хотят сменять мне из своих вещей. Такие цветные сны не очень умнотающие, но очень странные. Я как будто только в конце дня, под вечер, могу остаться один, попасть к маме на квартиру, может быть покурить спокойно. Конечно, есть еще и другие детали; всего сна не опишешь, весь интерес в вещественных подробностях, да в том, как об этом говорится. Потом уже сплю без снов, но при включении телевизора, которого я не слышу. Днем почтальон "Мудрое вдохновение" Завадской о Ми Фу

"Великое умиротворение-опьянения":

На огне, который заложен на ветру, кипит чай,
Ножом, острым как льдинка, разрезана дыня.
Мелодичный женский голос проникает через москитную сетку,

Да посреди озера цветы — водяные лилии.

Высоким гребнем подняты ее волосы.

Как соблазнителен и как красив затуманенный румянец
ее щек!

Своими прекрасными пальцами она заставляет дрожать
струны циня.

Не попросить ли мне для питья душистый напиток.

Кира привносит баночку марокканского чая, серого, как графит, свернутого в шарики. Когда его варишь, каждый шарик распускается в довольно крупный зеленый листок. И этот отвар пьем помаленьку, но Миша сразу просит себе простого русского чая. Я завариваю тридцать шестого, как всегда немного чересчур крепко. Мы выпиваем по две дозы. Кира говорит, что от него сон пропадает, кажется, правда. Или единственный чай на западе Африки, навевавший дремоту? Так и так можно попытаться его охарактеризовать. Но за смерть непосредственно и курят и вот как бы исподволь готовясь в дневнике к этому самому. Этого бы довольно в качестве содержания или основного пафоса всего этого в целом. Те сны куда-то как бы отодвинулись, и ты видишь новые сны о смерти. Сегодня дома даже Верн нет. И это курится. А завожусь я, как видите, с полоборота.

У нас есть еще килограмма полтора хорошего чая, а всего кило с два. Пока перебиваемся. Завтра будет вино — день воскресный. Позже вставать. У нас можно хоть вовсе не вставать. В эту субботу мне несказанно повезло. И опять-таки все выглядят вполне естественно, значительность момента дает основание чем-то его выделить из ряда ординарных моментов.

Ветер утих. В газете пишут, что в области намело пятиметровые сугробы и было прервано сообщение. Передают, что в Австрии, Венгрии, Швейцарии и по всей Италии, вплоть до Сицилии, выпали большие снега, много людей погибло. В Югославии переносят соревнования. А в Северной Европе реки вышли из берегов; в Бельгии, ФРГ, Англии. А на той стороне земли, на Гавайях и в Штатах — извержения вулканов — Килауэа и Хелены. Не смог найти Хелену на карте. Есть такой город. Впервые присцилось что-то похожее на картину, какой-то смиток. Годится для школы, как пособие. Непримятный сон. Даже в Китае и в Японии снегопады. У нас так много снега не было. Миша рассказывает про Кандалакшу, что там из дома выходить не стоит. До глубокой ночи показывали "Место встречи изменить нельзя".

Уголок зимней природы у нас на балконе. Ящики для

цветов, пол балкона и большой зеленый бак замечены снегом. Нужно рассматривать все это, как очень простую картинку, лишенную сосново-кафельной красоты, с которой мы имели дело в Скворешнике. Следы птичек на снегу, вот единственное, что нарушает симметрию. Зимой мы на балкон неходим. Любоваться из нашего окна нечем, дома новой постройки очень однообразны, только кусты и деревья останавливают взгляд. Здесь нет покатых крыш и деревянных изгородей, по-неволе внимательнее присматриваешься к людям, а это не очень интересно. Хотел записать, что утренние сумерки не тают в себе голубизны, предвещающей ясный день. Хмурый рассвет и поползновения людей какие-то будничные. Становится все теплей, завтра обещают от минус-одного. Наши рассветы содержат в своей сердцевине огни автобусов и троллейбусов, а они быстро становятся неприятными, однообразными. Люди меряют шагами пространство на остановках, несколько шагов в одну сторону, несколько в другую, а потом садятся на автобусы и пересекают большие пространства, перемещаются по городу, отчужденно поглядывая на все их окружющее. Хотелось бы более красивой картины перед глазами, но приходится только помнить о другом.

В издательстве "Искусство" вышла монография В.Г.Брюсовой "Русская живопись 17 века", напечатанная в Милане. Некоторое время что-то готовилось по иконописи, я спрашивал, но у Киры ничего нет, только небольшие книжки с английским текстом. По иконописи книг очень мало издается, а эту, наверняка, не достать. Я помню случайно купил книгу о коллекции Корина, потом пришлось продать, да еще большой альбом о Тверской иконе как-то попался. У меня иллюстрированных изданий своих вообще нет, а кроме того, я, наверное, самый обделенный иконой человек. Впервые я увидел иконы у бабушки, когда мы вернулись из Германии. То, что я видел написанного на камнях, мне не показалось, да и в иконостасе ее я так и не разобрался. Тогда книг таких совсем не было. Помню, как на Коневице отец показал мне фреску - основатель монастыря уводит с острова змей. Даже на "Курьер", посвященный русской иконописи, я смотрел, как на чудо.

Был всего один образ у меня, из бабушкиных, Анны Кашинской - отдал за омнакон. У меня никогда не было креста или складня, то, что появлялось где-то рядом, не задерживалось ни минуты. Пожалуй, у нас, как ни ищи, даже одной репродукции не найдется иконы. Все это вытеснено дальневосточным искусством. Все больше и больше вещей я вижу, как до нас не доходящие, в том числе - икона. Вообще-то и все это на нас не распространяется, издается Бог знает для чего, так, что мы, как воры и имеем что-то о Дальнем Востоке, пользуясь тем, что это не очень популярно. Поживем до времени, когда и за это будут прихватывать. Посадили одного спекулянта иконами, при обыске у него нашли пятьсот досок, я имею в виду Рулева-Когана. Дали двенадцать лет. Как видно, икон много. По оценке у него всего, с антиквариатом, конфисковали на четыреста восемьдесят тысяч ценностей. А жена отделалась легким испугом. Пью чай, чихаю. На улицу по-прежнему не тянет. Сколько времени я уже просидел так у Веры? На Блохиной была пыль другая, ее паметало на подоконник и на мебель, и я даже представлял себе, что это мои сухие сады - пыль, да случайные, грубо обделанные или старые вещи. А здесь мебель полированная, и Вера следит за чистотой, а пыль до того белая и мелкая, что ее и не разглядишь. Мне кажется, это не дает и натюрморта составить. Цветов у нас нет, а до весенних веточек еще далеко.

Выкопали и увезли деревья, те, что возле дома, те, что выше и потолще. Остались ямы, запороденные снегом. Пока производилась погрузка, по радио передавали выступления Черненко К.У. и Тихонова Н.А. Выбрали Генеральным секретарем Черненко, передали его фотографию. Теперь возле парадной остались одни кусты. Наверное, посадят еще кустиков. Вход оголенный. Пора супварить.

Сегодня четырнадцатое февраля. Похороны Андропова. День рождения Эллы. Пятнадцатое. Среда, днем землетрясение в Джизаке - шесть баллов. Говорят, сгорел костел на Невском, который так долго ремонтировали; что в сорок восьмом году в нем сгорел городской архив. Теперь там должен был быть устроен зал органной музыки, но орган еще не

установили. Рассказывают, что пожар продолжался несколько дней, с десятого числа. Пропали все труды реставраторов.

На полигоне в штате Невада провалилась земля через три часа после подземного ядерного взрыва. Двенадцать человек получили ранения, показаний на радиацию нет. Завтра буду на Невском, надо посмотреть, как выглядит костел, - зайти в киоск Академии, зайти домой за сборником со статьей о Хлебникове. Вообще из книг кое-что посмотреть, может, взять с собой. У меня они совершенно даром пропадают. Один "Контекст" с главой "У Тихона", "Статус Тибета". Что-то из этого можно не брать, а то тяжело тащить. У меня уже будут деньги, да редко тут же что-то и попадется. Верочка сходила на лекцию об Иннокентии Анненском и теперь просит что-нибудь его почитать. Вспоминаю, как много лет подряд у меня хранился его том из "Библиотеки поэта", который я потом продал за бесценок. Сейчас он очень бы кстати. Раз ночевал у Иры Месс и там нашел зарубежное издание "Книги отражений", как сейчас помню - пятидесятый том библиотеки славистики. Теперь "Книга отражений" издана, но все, и стихи, стоят страшно дорого. Может быть "Книга отражений" есть у Кирилла, что-то помнится было. Надо попросить. Всего ли сюда том Махабхараты? Место пока есть. Очень уж он тяжелый. Лучше будет на месте посмотреть. Не забыть кошельки.

Сегодня впервые после болезни выходил на улицу. У дома расчистили дорожку - чистый лёд. Постепенно привыкаешь, но страшно за бутылку. В винном, когда я пришел, не было никого. "Деллер" свободно продается и все, что надо из табака, а за яйцом очередь. Холодно, не рискую. Страха нет, можно попросить подогреть, но стоять очередь не хочется. В киоске посмотрел журналы, ничего интересного не заметил. Мне кажется, что я начинаю узнавать в лицо многих местных жителей. Может, час-такой. Даже у детской консультации как будто знакомые. Раньше этого не замечал. Даже милиционер у пивного ларька будто бы знакомый. Я не брался все время болезни и изрядно оброс, а завтра к врачу. Нужно не забыть разные мелочи. Верочка напомнит. От "Деллера" побаливает затылок. Я принимался спать раза три в течение дня и теперь,

ночью, пишу, без сна. Тихо. Все делай ночью, а читай днем. Ночью шуметь сам не станешь. Хочу сделать Эллочке картинку из чайных этикеток и газетных вырезок, да как-то упустил время. Хорошо бы под Джизак, она должна быть похожа на узбекское сюзане - желтая, красная и зеленая, как чайные пачки - Цейлон, первый сорт. Видно, до конца еще не придумал. Почему же читать лучше днем? А почему новости узнавать лучше днем? Ночью приемник слушать невозможно. Моя комната, и комната для чайной церемонии, это кухня. Вот так и живу, кроме журнала с бодисатвой ничего тут нет моего. Книги, что целый месяц пробыли на столе, переехали на подоконник, за занавеску. Теперь мы едим и пьем чай втроем, и больше нужно места. Засматриваюсь только на чайники и чашку на буфете - ничего более картинного вокруг нет. Наверху сложены чай - еще много. Вот и вырисовывается кое-какая композиция. Маленькие уфимские пачки из твердого картона (второй сорт индийский) похожи на электролампочки в упаковке. Два пакета "Бодрости", сплющенных в блин на коробке из-под Розовой воды, где тоже хранятся чай - поплоше. В нашем хозяйстве все найдет себе применение - жить долго. По пачке в день. Интересно, что стограммовая пачка расходуется также быстро, как и маленькие.

Мама собирается уничтожать письма и ненужные фотографии из своего архива. Инна просит привезти ей отцов альбом. Как жалко отдавать, там фотографии начала века, прадеда и, может быть, прапрадеда. Теперь это так модно. Вот так же и с книгами, расстался за бесценок, до того, что стал считаться за сумасшедшего и среди книгопродавцов, а теперь, говорят, тот же Анненский стоит сто пятьдесят. Даже не верится, подумать страшно. Ведь я никогда ничего не покупал из дефицитной продукции. Значит, в пятьдесят девятом году его просто не брали. Но я помню, что покупал и Хлебникова совершенно свободно, когда он выходил в малой серии - к семидесяти пяти летию. Представляю, что будет делаться в будущем году. Вот, что значит, развели спекулянтов. Даже не жаль, что отдавал даром. Пусть у меня не будет библиотеки. Несколько книг всегда есть. В каждом нашем доме. Все равно

оставлять некому. Все только для личного пользования. Пора
становиться мастером чая. Я с ужасом думаю о том, какой
же я еще художник, когда я ничего так подолгу не делаю.
Но, конечно, когда работается — забываешь обо всем этом.
Приятно бывает увидеть вдруг свои старые работы. Да и све-
жие, выходящие из-под рук, не менее приятны. Только вот ..
перерывы непропорционально большие. Такова особенность ра-
боты. Мама скоро уедет и тогда что же? Надо бутылку да
банку с kleem, да кисти. Акварель есть. Холст есть, кар-
тонки. Мало щей, но это может и к лучшему. Куда же много-
то? Все в процессе. Как эти записки — есть на две строчки,
а пишешь и не оторвешься. Попиваю чай, лечу голову. Ночью
так тихо, по улице редко проезжает что-то темное, даже не
понять, что это — фургон, грузовик или автобус с потушен-
ным освещением. Мне приснилось, что я вот-так, но в другом
месте, провожу ночь без сна и вдруг, когда я уже не смогу
этого увидеть, мне говорят, что сегодня ночью светила яр-
кая луна. А я наяву так соскучился за зиму, все ночи без-
луные. Это как первая детская ложь, тоже связанныя с лу-
ной. Как подл этот человек, этот Володя, который, хоть и
во сне, пытается меня так обмануть. Вот в этом явь и сон
сливаются, и личность моя цельна, и связь с ночным
светилом, проходящая через всю жизнь, не носит розановско-
го ("Люди лунного света") характера. И из астрономических
наблюдений напрашивается моральный вывод: не связывайся с
подлецами и хамами, пойми, что большинство людей, с кото-
рыми сталкиваешься или еще предстоит столкнуться, просто
плохи от природы или испорченны. Эта моральная сентенция
может продолжаться бесконечно, поэтому я здесь это рассуж-
дение не развиваю. Но и в таком виде я не даю его оспари-
вать. Хочется только отметить, что это самое проклятое
большинство еще хуже, чем просто спорщики, которых я не
перевариваю по другим причинам, из-за бесплодности споров.
Люди плохи тем, что на поверку оказывается, что они хотят
просто тебя выставить, или заполучить что-нибудь, или,
так или иначе, скомпрометировать ближнего. Вот и держись
в стороне от хамов, простых или из элиты, в данном случае

все равно. Вот так астрономия. Интересно, что Кира об этом думает. Я не ошибся, когда где-то записал, что я не беру у него книги, а арестовываю их. Может быть непоследовательно, но уж-так пошло, лучше эти упражнения для руки, чем ничего неделание. И непоследовательность ничего. Это, знаете, как в нашем *деме* совершенно невозможно чаек не разогревать, хотя это и не рекомендуется делать.

... Вчера был ветер, очевидно, посильней, и фонарь так раскачивался, что тени деревьев, как на светящемся табло или на светящихся рекламах бегущие слова, пробегали по стена детского садика тут под окнами. Казалось, что в доме пожар начался, но нет, никто не проявлял беспокойства, хотя еще не все спали и даже какие-то люди шли с остановок. Юго-западный ветер, должно быть, редко бывает в наших краях, во всяком случае, я не замечал раньше этого эффекта. Стена садика гладкая, и силуэты деревьев совершенно так же, как строчками при письме, пробегали слева направо. В зимней темной сырости я все силюсь уловить какую-то ташкентскую небесную синеву. Чайник закипает, готовлю чай на утро. Сейчас три, а у меня уже вошло в привычку в это время выпивать чашку. Затылок не отпускает, и нет смысла ложиться. Лучше уж проведу этот день без сна совсем. Верочка купит вина. Замечал, что с похмелья лучше всего работается. Мама учила в детстве, самому себе всегда подыскивать занятие уметь. Вот я прысгал, как пианист-гаммы, так я — дневник. Рука устает, но пока пишешь — не замечаешь.. Я встаю, хожу, и кухня, со своей чайной утварью и занавесками на окне, с бумажным мешком с сушащимися у батареи нифилями, представляется вдруг жилой комнатой, в которой только не хватает места для лежания. Мы так привыкли, что в жилом помещении обязательно должна быть кровать или хоть топчан какой. Редко я совершаю вылазки из дома. После усмешного новогоднего курения, длившегося целый месяц, все приходит в норму, в обычную колею. Я уже свежими глазами взглянул на мои обстоятельства с врачами, у новой врачики остается уточнить кое-какие детали относительно лекарства. У меня сложилась довольно стройная картина моих дел. Я вдруг представил:

когда я сижу, что я сижу? Она подорожала. Что-то раньше об этом не думал, а ведь это простой вывод. А возможность делать более простые выводы из своих обстоятельств должна развлекать посреди любой тоски и скуки. Становится, что сказать в ответ на любые вопросы в результате мыслительной деятельности. Но хотел полежать сегодняшнюю ночь. Вот ведь не судьба.

За последние двое суток уже пятый подземный толчок в Фергане; открылась выставка натюрморта с ХУ1 века из Дрездена и Москвы в Эрмитаже.

Привез репродукцию одной очень старой "Тайной Вечери" среди прочих книг. Еще привез книгу Хомонова о Гасаре и ряд других. На Невском не пришлось побывать. Сегодня должны промахать Оля с Сережей, готовят пироги, купили коньяк. День опять теплый, и все предупреждения насчет двадцатиградусных морозов относятся, очевидно, к другим районам области. У нас градуса четыре. Интересно, что вчерашние предсказатели с сейсмической станции "Ташкент" еще надеются кого-то предупредить о готовящемся землетрясении. Интересно, удавалось ли им хоть раз эвакуировать народ? Говорят, что подобное землетрясение было в двадцать седьмом году. Показывают рельефную, очень красивую карту, но о силье толчков не говорят, также не говорят о жертвах и разрушениях. Сейсмостойкий дом, который показывают в Ташкенте, настолько велик, что у нас его не с чем сравнить. Я представляю, что такой город, прямо из оперы "Огненный ангел", ничего общего с восточной архитектурой не имеющий.

Приятно найти снова книгу, считавшуюся потерянной. У себя дома нашел Корейскую поэзию в переводах А.Ахматовой. Дома холодно, батарея отключена, можно находиться в комнате только под одеялом. Лампа и приемник работают, но не грекут. Всюду пыль и известка, осыпающаяся с потолка. Диваны накрыты тряпками, которых не жалко. Ничего почти нет, а я забираю последние книги. Провел там около полутора часов, кажется не простыл. Все болеют, словно врачом не удается повидаться. Снимается какая-то сексуализированная чушь, что-то о порядках новых школ. Может, это гуру является во сне,

а, может, злой гений из видеофильма. Сон налаживается. Присыплюсь с ясной головой, во время. Со злобой на своих знакомых и на их отношение к современной культуре. Все это щукшинская скотобаза и позорная педерастия знакомых. Снытся и отец, прогулка по заброшенному мифическому городу. Кошка мазивается и не дает писать. Учитель со своей гологрудой шкурой, как эти ташкентские близнецы-сейсмологи. Говорится что-то крайне невразумительное о вступлении Испании с Португалией в Общий рынок, а новых сведений о положении в Фергане нет.

Надо отдыхать, пока есть время, потом придется присутствовать при разговорах. Во сне успеваю повидать столько народа, сколько за день, с учетом того, что я побывал на Электросиле. От таких снов только и отдыхать.

В отрогах Чаткальского хребта в районе города Пап - восемь баллов. Сегодня принесли "Известия" за два дня и в каждом номере есть что-то на эту тему. Заметка о Турции... Пишут о сильном землетрясении в Афганистане, так что в Таджикистане есть повреждения зданий. Митрополиту Новгородскому дали за активное участие в войне и в связи с шестидесятилетием орден Ленина. Такие новости по телевидению, а вот о Таджикистане я не слышал. Подсчитали, что в Турции в этом веке погибло в результате землетрясений около шестидесяти восьми тысяч человек, но я слыхал как-то, что во время одного только землетрясения в Адане или в Анталье, точно не помню, я сидел в это время, погибло или пострадало сто пятьдесят тысяч. Это было одно из самых страшных. Году в семьдесят втором. Мне тогда даже не сказали ничего, так же, как о Сиди-Мирим и еще каком-то, так, что это уж позже, из передачи Би-Би-Си я узнал. Может и преувеличено количество жертв. Ведь вот в Тянь Цзине сперва говорили, что погибло четыреста тысяч, потом сошлились на двухстах шестидесяти. Ведь восемь баллов это страшно большое землетрясение, но заявляется, что жертв нет у нас. Это невозможно проверить. Места эти пустынные, я помню, что ташкентские бродяги в этих отрогах весной, а она там ранняя, собирают на продажу грибы. Будто бы это единственное место в Средней Азии, где грибы растут. Вообще-то, без жертв ни одно не обходится,

наверное, ни бродяг, ни перекулщиков за людей не считают, да и никакому учету они не поддаются. Би-Би-Си больше надо, чем все мои знакомые.. Может, они и внимания не обратили, даже Милка. Да никого эти землетрясения, как меня, и не интересуют. Я помню, что еще в детстве страшно занимался Ашхабадским землетрясением, я уже тогда понимал, что сообщения о жертвах и разрушениях, это что-то из ряда вон выходящее, чуть ли не первые известия о непорядках на нашей родине. Вообще должен сказать, что примерно с того же времени я начал бывать и в кино, так ничего меня не производило такого впечатления, как тигры. Другие, видимо, смотрят иначе, им интереснее сами кинофильмы. Но, конечно, отец все это замечал и подрастил меня соответствующим образом. Зря мой папа не приснится.

А вот профессор Козырев, когда, после его открытия в пятьдесят восьмом или пятьдесят девятом году извержения на Луне, о нем стали писать у нас в прессе, вторично, после Ашхабада, стимулировал очень сильно мой интерес к этим прородным явлениям. Конечно, я столкнулся потом с тем, что его взгляды явились почвой для многообразных спекуляций, но сам я, как ни рос и ни менялся, не мог изменить своего отношения к этому. У меня какой-то застывший и остановившийся интерес, и я в этом не податлив. Даже когда Родя пытался свести все это к разговорам о зоне, я, как бы мне ново ни казалось то, что он рассказывал, в своем не уступал. И мне кажется, что племянник Козырева, Кирилл, лучше понимает меня, чем другие люди, и доверчивее относится к моим интересам. Вот как все перенеслось в нашей жизни. Ашхабад шокировал, как будто бы, ничего такого не дал. Правда, одно время курили ашхабадский план. От него не тошило, не то, что от узбекского сорта или от морфина. Конечно, дневник был бы гораздо полней и интересней, если б можно было хоть в нем писать о наркотиках, это прямо половина жизни временами, а так: "в Намангане яблоки /очень ароматные/ на меня не смотришь ты /- неприятно мне/."

Вдруг вспоминаю, что ведь в комнатах для чайных церемоний стульев нет, а мы во всех наших домах сидим на стульях

ях, и это наши жены нас приподымают над первым этажом. Когда я жил в изоляции от всех, — на Блохина, у меня матрас стоял на полу и я как-то не пугался мышей или крысят, которые частенько заходили. Так было до самого пожара, пожарных матров и Верочки. Потом пошли столы да стулья, да диваны на ножках. Но раньше я об чае столько не думал, больше о климате и рассеянном слабом свете, дарящем в моем доме. Конечно, я придавал большее значение дружеским связям. На живопись, еще на что-то смотрел по-другому. На чтение, например. Теперь сижу на страшном цифре и сижу на стульях, ем за столом. Это не по-японски, — и не по-китайски, даже не по-узбекски. Ничего, бы бы чай-сортовой. Я все готов перенести за свой покой, за спокойствие в своем доме.

/Продолжение следует/.

000